ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 62 (2445) Среда, 4 августа 1948 г. Цена 40 коп.

Гигантский резерв промышленности

Темпы и размах практического использования изобретений — вот проблема, которая с исключительной остротой стоит сейчас в порядке дня нашей общественной жизни. Сопротивление новому со стороны консервативных, косных элементов—вот что препятствует дальнейшему развитию изобретательства, вот что мешает в полную меру использовать гигантские резервы народного хозяйства.

Лозунг «пятилетка в четыре года» для своего осуществления требует в первую очередь насытить новой техникой все отрасли народного хозяйства, механизировать тяжелые и трудоемкие операции, как можно лучше освоить новую технику и, конечно, полностью использовать те неисчислимые внутренние резервы, таящиеся на каждом заводе, на каждой фабрике, ждущие, когда рука пытливого, смелого советского человека прикоснется к ним.

Внутренние резервы — это сотни тысяч машин и станков, которые могут работать быстрее, это миллионы рабочих операций, которые можно механизировать, это тысячи агрегатов, конструкции которых можно усовершенствовать, это гигантские массы материалов, которые можно использовать экономнее.

Творческая пытливая мысль бьет ключом в Советском Союзе. Исключительные возможности, предоставленные советским патриотам, дали такой расцвет вдохновенного творчества, значение которого трудно переоценить. Ежедневно в цеховые, заводские и министерские органы изобретательства поступают тысячи больших и малых рационализаторских предложений, технических усовершенствований и изобретений.

Это щедрые дары таланта и ума советских патриотов.

Каждый седьмой рабочий, инженер и техник у нас рационализатор или изобретатель. В 1947 году от каждой тысячи рабочих, инженеров и техников поступило 145 предложений, давших 553 тысячи рублей экономии.

Так по всей стране в целом.

Отдельные отряды нашего славного рабочего класса шагнули значительно дальше. В автомобильной промышленности в прошлом году от каждой тысячи промышленно-производственных рабочих поступило 544 рационализаторских предложения и изобретения.

И это могучее свидетельство глубоких сдвигов в сознании миллионов наших рабочих. Коммунистическое отношение к труду рождает новые чувства, новые традиции, новые привычки, новый жизненный уклад, новое отношение к себе и к окружающим.

Известно указание товарища Сталина о том, что стахановское движение «содержит в себе зерно будущего культурно-технического под'ема рабочего класса».

Массовое развитие рационализаторского и изобретательского движения—это стремительный рост интеллектуальных сил рабочего класса, его культурно-технический под'ем, неуклонно растущее стирание противоположности между физическим и умственным трудом.

Великий творческий под'ем нашего народа и является глубочайшим источником все убыстряющихся темпов выполнения послевоенной сталинской пятилетки.

«У нас откроются новые громадные резервы, как только проявим настоящую заботу о наших многочисленных изобретателях, рационализаторах и их помощниках», — говорил товарищ Молотов на XVIII с'езде партии.

Практика наших дней блестяще подтвердила это предсказание. Достаточно сказать, что сумма ежегодной экономии от внедрения рационализаторских предложений и изобретений достигает **нескольких миллиардов рублей.**

Однако внимательное изучение фактов показывает, что эта цифра была бы значительно больше, не будь на пути рационализаторского и изобретательского движения такого препятствия, как бюрократизм и косность.

На предприятиях Министерства лесной промышленности СССР в 1947 году было внедрено 1,8 процента всех поступивших рационализаторских предложений и изобретений.

На предприятиях Министерства совхозов СССР было внедрено в 1947 году 2,5 процента поступивших предложений и изобретений, т. е. всего... пять! Интересно, что экономия составила 37 тысяч рублей, а затраты на разработку, экспериментирование, премирование и прочее достигли 325 тысяч рублей.

В системе Министерства сельского хозяйства СССР использовано было 5,7 процента всех предложений и изобретений.

В системе Министерства здравоохранения СССР — 9 процентов.

Позорные цифры!

Разве можно мириться с таким положением, когда на предприятиях Министерств угольной промышленности Запада и Востока, нефтяной промышленности Юга и Запада, электропромышленности, сельскохозяйственного машиностроения, резиновой промышленности и речного флота в 1947 году не использованы **две трети** всех рационализаторских предложений и изобретений.

Интересы государства обязывают нас со всей решительностью активизировать борьбу с антигосударственным пренебрежением технической инициативой советских людей. Наши законы строжайше карают расточительство **материальных** ценностей. Преступлением является и расточительство огромных **умственных** ценностей, заключенных в нереализованных предложениях и изобретениях.

Почему же мирятся с этим некоторые министры, областные и районные руководители, работники заводов и фабрик? Почему суды не судят консерваторов и волокитчиков? Почему не слышно голоса профессиональных организаций и научно-инженерной общественности в защиту рационализаторов и изобретателей?

Об этом должны думать и наши писатели.

Их священная обязанность активно вмешаться в те громадные жизненные процессы, свидетелями которых мы сейчас являемся.

Они должны со всей силой своего таланта рассказать советскому народу о людях, имена которых с любовью и гордостью произносят в нашей стране, о людях, которые активно вмешиваются в жизнь, отдают все свои силы, умение, талант, дерзновение великому делу выполнения пятилетки в четыре года.

Острое, обличительное перо литераторов призвано вскрыть и разоблачить все, что мешает нашим передовикам-новаторам.

Разве могут пройти они мимо таких явлений, которые с удивительной яркостью, с исключительной убедительностью рисуют облик нового человека, рожденного сталинской эпохой?

Писатель по самому существу своей работы должен активно вмешиваться в жизнь. Смело глядеть в будущее, творчески осмысливать жизненные явления, уметь по-большевистски вдумчиво ставить решающие вопросы современности — задача серьезная, почетная, благодарная и обязательная.

САПЕРЫ ПЯТИЛЕТКИ

...Над горным селением Арша, прилепившимся к одному из крутых склонов Казбека, издревле нависла огромная, готовая сорваться скала, похожая на гигантский утюг. Каждый раз, когда в горах гремели обвалы и бушевали лавины, жители Арши трепетали, боясь не только за свои небольшие поля, но и за аул, за самую жизнь. Так, в постоянном страхе, проходили столетия.

Можно бы взорвать скалу, но тогда она неминуемо свалилась бы на аул, по пути исковеркав и засыпав поля.

Наши горняки нашли выход. Гигантским взрывом они раздробили скалу и подняли ее в воздух. Силой же других взрывов, произведенных несколькими мгновениями позже, они направили всю, еще не успевшую упасть, каменную массу в сторону. В аул упал лишь небольшой камешек.

Это славное дело совершили советские взрывники.

* * *

Взрывчатые вещества с каждым годом находят у нас все более широкое применение. Подавляющая часть горных работ, дающих стране известь, цемент, гипс, мел, слюду, графит, бутовый камень и многие другие материалы, производится взрывниками. Они помогают добывать золото, вскрывают угольные и рудные разрезы, выполняют огромные по масштабам и трудоемкости задания на строительстве дорог, судоходных и ирригационных каналов.

В свое время гражданское взрывное дело начиналось с зарядов весом всего в несколько сотен граммов. Сейчас наши специалисты взрывают одновременно на одном месте тысячи тонн взрывчатых веществ. При этом все «связывающие условия» учитываются и устраняются.

В наши дни взрывников уже не удовлетворяет просто взрыв на выброс. Они взрывами же «транспортируют» выбрасываемую породу в заранее определенном направлении. В годы Отечественной войны, когда ощущался недостаток в рабочей силе и взрывной метод получил широкое распространение на железнодорожном строительстве, пытливая мысль инженеров нашла способ одновременно с образованием выемки строить в этой выемке и насыпь. Другими словами, взрыв не только прокладывает трассу будущей насыпи, но одновременно возводит ее. Как же удается решить две такие, по существу, противоположные задачи? Делается это так: вдоль будущего дорожного полотна взрываются параллельные ряды зарядов. Поднятые этими взрывами две стены породы, встречаясь в воздухе на высоте 80—100 метров, сталкиваются и падают точно по намеченной трассе, образуя вчерне насыпь необходимой высоты.

Послевоенные восстановительные работы нередко ставят взрывников перед неожиданными задачами. На Севдонгрэсе, на Минской и Воронежской ГЭС для вновь полученных генераторов, отличающихся от прежних своими габаритами, потребовались новые фундаменты. Старые нужно было взорвать. Находились же они рядом с уже восстановленными и работающими агрегатами. Короче, взрывать приходилось внутри зданий, да еще с гарантией безопасности для оборудования и стен, отстоявших в полуметре от места взрыва. И еще одно условие — ни одна пылинка не должна была попасть в «чуткие» механизмы электростанций. Пришлось устроить искусственный ливень, и обошлись без пыли.

Взрывное дело в СССР развивается своими самостоятельными путями. Еще 15 лет тому назад авторитет западноевропейских и американских формул и тамошних практических приемов считался непререкаемым. А сегодня можно утверждать, что Западу есть чему поучиться у нас.

И поистине смехотворно прозвучало недавнее утверждение американских специалистов, что в авангарде взрывного дела идет Аргентина, расходующая в год до 1500 тонн взрывчатки.

Полторы тысячи тонн в год, конечно, немало. Но во время взрыва, произведенного советскими взрывниками для вскрытия угольного разреза на Урале, в районе села Коркино, одним включением рубильника было взорвано 1808 тонн взрывчатых веществ. К слову сказать, это произошло 16 июня 1936 года и представляет для наших взрывников давно пройденный этап.

С каждым годом все деятельнее участвуют в строительстве новой жизни советского народа взрывники — саперы сталинской пятилетки.

М. СМОЛЕНСКИЙ

Это твой завод, товарищ!

И. КОЛТУНОВ

Специальный корреспондент «Литературной газеты»

1.

На «Красном Сормове» можно встретить более ста ветеранов, поработавших здесь свыше полувека, и около четырехсот человек, которые трудятся на предприятии лет по сорок и больше. Жив Заломов — герой горьковской повести и ревнитель сормовских революционных традиций. Стена первого заложенного здесь цеха одета в бетон и превращена в гигантскую мемориальную доску, — в будущем году завод празднует свое столетие. Старина. История. Давно прошедшие времена. И горьковская повесть встает, как свидетель былого. Ее трудно застать на библиотечных полках, потому, что молодое поколение, которое смотрит вперед и шагает вперед, хочет знать, как жили раньше.

Молодое поколение заполняет нынче сормовские цехи. В многотысячном коллективе каждый четвертый — молод! Когда сегодня узнаешь о сормовских успехах, — а они уже выполнили восьмимесячную программу! — трудно переоценить плоды усилий рабочей молодежи, трудно переоценить и значение заботы о ней, об ее трудовом и бытовом устройстве. И дело вовсе не в том, что Александр Букмуз, окончивший школу фабрично-заводского обучения в 1943 году, стал уже начальником смены в новомартеновском цехе, а его товарищ Алексей Гаранцев, завершивший учебу одновременно с Букмузом, повысился в своей квалификации на два разряда. Дело в том, чтобы молодой человек, пришедший на завод, полюбил его и чтобы завод полюбил молодого человека. Тогда их пути не разойдутся.

А в Сормове пути порой расходились. Об этом рассказывал писатель В. Курочкин в своей статье «За это отвечает завод», помещенной в «Литературной газете» 19 мая (№ 40).

Сормовичи не могли с этим не согласиться: да, за это в ответе завод! И тогда родился приказ директора № 261, прямо сказавший: от молодых кадров зависит не только сегодняшний, но и завтрашний день завода! Приказ был разослан всем командирам производства и многих заставил призадуматься всерьез.

2.

Несколько дней ходил я по цехам «Красного Сормова» и о чем бы ни заговаривал с людьми, — они сводили разговор к этому приказу. Подписанный директором завода Е. Э. Рубинчиком приказ был как бы плодом коллективного творчества, и каждый человек видел в этом документе отражение своих дум о сегодняшнем и завтрашнем дне завода, с которым тысячи людей сроднились навсегда.

Мелочи, на которые люди раньше не обращали внимания, вдруг обрели принципиальное значение. Как это, действительно, раньше не замечали, что в паровозо-механическом цехе № 2 молодые токари работают раздатчиками инструмента? что в паровозо-котельном толкового слесаря перевели почему-то в ученики газорезчика? а в новомартеновском не слесаря ли направили чернорабочим?

Вернуть токаря к токарному ремеслу, а слесаря — к его делу было довольно просто. Нетрудно было и обеспечить повседневный контроль за работой молодежи, окончившей школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища, назначить старых производственников учителями, не передвигать юношей с участка на участок. И даже тот пункт приказа, в котором вся ответственность за правильное использование молодежи и за рост квалификации возлагалась на начальников цехов, естественно и закономерно вытекал из широкой постановки вопроса о молодом рабочем на «Красном Сормове». Чего проще, казалось, формально выполнить такой пункт приказа, как «10-го числа каждого месяца давать в отдел труда персональные сведения о заработке и выполнении норм молодыми рабочими за прошедший месяц».

Но вот начальник колесопрокатного цеха И. В. Мочалов за сухими словами приказа сумел почувствовать большую мысль. Начальник цеха рассуждал так: в заводоуправлении цифры нужны для общего анализа, а мне, начальнику цеха, они раскрывают характер и возможности каждого человека, находящегося у меня под началом.

И Мочалов начал посылать ежемесячно отчеты не только «вверх», в заводоуправление, но и «вниз» — мастерам и бригадирам.

Мастер Ф. И. Гребнев понял своего начальника. Когда его воспитанник Пискарев собрался в отпуск, Гребнев точно знал, сколько у того денег в кармане, как поработал юноша последние дни перед от'ездом. Гребнев подсел к Пискареву и спросил:

— Кто тебя дома ждет?

— Мать и сестренка, — ответил Пискарев, удивленный неожиданным вопросом мастера.

— А подарки ты им купил?

Пискарев смутился. Об этом он даже не подумал и чистосердечно сознался мастеру.

— Ну, знаешь, — огорченно сказал Гребнев, — чтоб сормовский рабочий поехал в отпуск да не свез подарки родным, — такого на нашем заводе никогда не бывало!

Вернувшись из деревни, Пискарев сразу же бросился искать мастера:

— Федор Ильич, — крикнул он ему издали, — свез подарки — матери на платье, сестренке на сарафан. Спасибо сказали.

Гребнев понимал, что дело здесь не только в материнском спасибо. Мастер прочитал в сияющих глазах Пискарева, что тот и сам себя больше уважать стал.

В новомартеновском цехе по-своему прочитали и близко приняли к сердцу другой пункт приказа: «Рекомендую начальникам цехов обратиться к старым производственным рабочим с предложением поселить у себя молодых рабочих и взять шефство над их воспитанием. В таких случаях оказывать рабочим помощь постельными принадлежностями, мебелью и т. д.»

Начальник цеха А. А. Лобашев увидел в этих словах начало большого дела. Он подумал о чутких и заботливых наставниках подчиненной ему молодежи, которые — он в этом не сомневался! — найдутся среди старых рабочих.

Первым на призыв откликнулся машинист завалочной машины и парторг смены Н. А. Смоленков. Отец пятерых детей, он посоветовался с женой и пригласил к себе жить двух молодых рабочих — Виктора Ермакова и Юрия Колесова, только в последних числах мая окончивших школу фабрично-заводского ученичества. Но Смоленков на этом не успокоился. Он пошел по квартирам в своем доме на Сталелитейном переулке, поговорил с мотористкой Чиркиной, с составителем поездов Трушкиным, с слесарем Бобыльковым и многими другими знакомыми сормовскими рабочими и убедил их в том, что надо ребят поставить на ноги, научить жить.

О месте для кровати и разговора не было, — уж если Смоленков заходил к соседу, то знал, что место найдется, потеснятся хозяева, как он потеснился.

— Мечтаю я о том, — говорил Смоленков, — чтоб парень был обут и одет, чтоб не ходил неряхой, а вид имел, полагающийся сормовичу, чтобы сыт был, чтобы вы знали, сколько он заработал и куда деньги потратил, и как он работает, и с кем дружит, и что у него на душе... Ну, одним словом, чтобы приходил он, как к себе домой. А я за парней ручаюсь...

Поручительство Николая Андреевича и отзыв его жены Ольги Федоровны о том, что на своих воспитанников она не обижается, окончательно решили вопрос. Вскоре у соседей Смоленкова в доме на Сталелитейном поселились тридцать молодых рабочих.

Я разговаривал с завальщиками и подручными сталеваров Юрием Колесовым, Павлом Жориным, Леонидом Земсковым, Николаем Степанычевым и Леонидом Ярославцевым. Старшему из них двадцать лет, младшему — восемнадцать. Все они недавно окончили школу ФЗО, только-только начали сознательную и самостоятельную жизнь, и на каждом шагу нужен им был дружеский совет, веское слово, крепкая рука. Они могли бы поселиться в молодежных общежитиях, места были. Но предпочли обстановку рабочей семьи. Молодые рабочие мне рассказали, что в тех семьях, которые широко открыли им двери, они нашли большую поддержку в жизни.

Почин новомартеновского цеха подхватили и другие цехи, на заводе заговорили об этом во весь голос, принципиально и умно.

3.

Кадры для «Красного Сормова» готовят школа фабрично-заводского обучения и ремесленное училище. Я спросил директора завода:

— Можете ли вы принять на работу всех оканчивающих училище и школы?

— Могу, — ответил директор, — при нашей все расширяющейся программе могу, но... в том случае, если трудовые резервы будут готовить рабочих нужного заводу профиля.

Оказывается, что в системе трудовых резервов действует еще некая инерция военного времени. Завод уже выпускает мирную продукцию. Предприятию нужны долбежники, строгальщики, расточники, карусельщики, чеканщики, рубщики, а ремесленное училище, работающее на его базе, попрежнему готовит слесарей-инструментальщиков и ремонтников. До сих пор нет ни одной группы сборщиков-котельщиков, сборщиков-судостроителей, сборщиков-паровозников. Школа ФЗО в течение пяти лет готовит сталеваров, хотя известно, что новые мартены не каждый день вступают в строй. Не настала ли пора и Министерству трудовых резервов пересмотреть планы подготовки кадров?

Заводу часто приходится переучивать выпускников учебных заведений трудовых резервов, направлять их на переквалификацию. А молодежь, которая только что кончила учебу, не всегда охотно идет на это — иному проще уйти с завода. Человек обижается: «Зачем меня учили не той профессии, которая нужна». Правда, в сводке «движения выпускников Гострудрезервов», которую мне дали в отделе кадров, эта причина не указана, но она возможна. Все-таки за май—июнь ушло с завода 64 молодых рабочих.

Маркс в своей гимназической работе «Размышления юноши при выборе профессии» писал: «...**главным руководителем,** который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, **наше собственное совершенствование.** Не надо думать, что оба эти интереса могут враждебно выступать друг против друга, что один должен уничтожить другой; природа человека устроена так, что он может достичь своего усовершенствования, только работая **для совершенства,** для блага своих современников».

Но человека надо направить, ему надо об'яснить самое важное и самое главное. Научить ремеслу — только полдела, надо подсказать хотя бы отношение к ремеслу. Подсказать! Вот почему так решительно сформулирован один из пунктов приказа директора «Красного Сормова»: «Поставить перед директорами ремесленного училища и школы ФЗО вопрос о необходимости резкого улучшения воспитательной работы среди учащихся, прививая им любовь к труду и культурно-жизненным навыкам».

Разумеется, здесь речь идет не о преподавании правил хорошего тона, и слова «любовь к труду» следует понимать не как обвинение в лени. Молодому человеку, пришедшему из деревни, надо толково и умно об'яснить, что он не просто пришел учиться. Придя сюда, он навсегда связал свою жизнь с рабочим классом, с социалистической индустрией, с городом. Надо, чтобы он еще на школьной скамье полюбил свою профессию и свою будущую жизнь. Тогда два интереса, о которых писал Маркс, не будут у него выступать друг против друга.

На заводе такой человек, особенно на первых порах, требует пристального внимания, чуткого отношения.

Наблюдая общий под'ем на заводе и начало глубокой заинтересованности в судьбах молодых людей, решительный перелом, давший уже первые плоды, я спросил секретаря комитета ВЛКСМ Анну Маркову: как повел себя комитет комсомола в новой обстановке, что предпринял он нового, как помог он молодежи?

И Маркова начала рассказывать мне о цеховых футбольных командах, о прогулке на пароходе по Волге, о беседах и лекциях в общежитиях.

Я снова спросил ее:

— Вы были хоть у одного старого рабочего, который принял к себе в семью молодого человека?

Нет, она не успела...

— Вы собирали у себя молодежь, поселившуюся в доме, где живет машинист Смоленков? Может быть, там нужна ваша помощь?

Оказывается, Маркова тоже не успела. А дом этот, кстати сказать, находится всего в двух минутах ходьбы от комитета комсомола.

Может быть, комитет комсомола так занят молодежью, живущей в общежитиях, что у него нет времени заглянуть в те дома, где у старых рабочих живут юноши, вступающие в жизнь?

Может быть, комитет комсомола занимался в это время помощью молодежи горячих цехов?

Увы, нет!..

В колесопрокатном цехе нет раздевалки. Место есть, но раздевалки нет — там расположилась материальная кладовая соседнего железопрокатного цеха. А молодой человек не хочет итти по поселку в замасленном и обгоревшем платье, он хочет переодеться тут же, в цехе, принять душ и оставить рабочую одежду до следующей смены. Он хочет, чтобы ему выстирали и заштопали спецовку в заводской прачечной: вечером сдал — утром получил.

Не няньки нужны молодым строителям коммунизма, а любовь и забота — те чувства, которыми дополнен и дописан многотысячным сормовским коллективом директорский приказ. Приказ, в котором осознана полная мера ответственности завода за судьбу молодого пополнения рабочего класса, приказ, каждая строчка которого говорит молодому рабочему:

— Это твой завод, товарищ!

Завод «Красное Сормово», ГОРЬКИЙ

Марионетки Уолл-стрита

1.

Как? Вновь министром стал Рейно?
Тот, кто воспитывал измену
И расчищал не так давно
Пути изменнику Петэну?
Не он ли первым был во всем,
Что было гитлеровцам нужно,
Чтоб Францию перед врагом
Оставить слабой, безоружной?
Да. Это он. Сомнений нет.
Все прощено ему. Забыто...
ИЗМЕННИК входит в кабинет
Марионеток Уолл-стрита!

2.

Что? Снова Блюм? Тот желтый зверь,
Что злее пса, подлей шакала?
Кого вся Франция теперь
Своим могильщиком назвала?
Его деяния страшны.
Он пули шлет. Он брызжет ядом.
Недаром Гитлер в дни войны
Леону Блюму дал пощаду!
Да. Это он. Сомнений нет.
Что ж! Сделка сделана открыто...
ИУДА входит в кабинет
Марионеток Уолл-стрита!

3.

Опять Жюль Мок? Тот черный Мок,
Душитель правды и свободы,
Который в тюрьмы бросить смог
Честнейших сыновей народа?
Заморской нечисти шаман
Рабочей кровью пьян доселе.
Не позабыть Клермон-Ферран!
Расстрел народных масс в Марселе!
Да. Это он. Сомнений нет.
С жестоких пальцев кровь не смыта...
ПАЛАЧ украсил кабинет
Марионеток Уолл-стрита!

4.

Шума́н. Мейе́р. Тэтжен. Коти.
Знакомы нам фамильи эти!
Что сможет Франция найти
В подобном ЧЕРНОМ КАБИНЕТЕ?
За ним отчетливо видны
Большие когти, злые пасти
Всех поджигателей войны,
Что мир готовы рвать на части.
Здесь власть — они. Сомнений нет.
Ну, что же? Скажем всем открыто:
ОПАСЕН МИРУ кабинет
Марионеток Уолл-стрита.

5.

Мы ряд фамилий перечли.
Но с вами мы не позабыли,
Что в кабинет Мари вошли
Еще «Министры без фамилий»!
НАСИЛЬЕ. ГОЛОД. МРАК. ПОЗОР.
АМЕРИКАНСКИЕ ОКОВЫ.
ВОЙНЫ УГРОЗА. НАГЛЫЙ ВЗДОР
БОЛЬШИХ ПОСУЛОВ, ЛЖИ
ДЕШЕВОЙ...
Сомнений нет: таков портрет
Реакционного синклита!

Вот так составлен кабинет
Марионеток Уолл-стрита.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Расщепление зерна

Один килограмм пшеницы дает триста граммов тридцатипроцентной белой муки. Можно ли из этого же количества зерна получить муки больше?

Да, можно. Это доказал советский ученый профессор Я. Н. Куприц. Он проделал в своей лаборатории тысячи опытов, об'ектом которых неизменно было маленькое хлебное зернышко.

Сердцевина зерна — мучнистая его часть — составляет около восьми десятых всей массы хлебного зернышка. Многослойной броней оболочек укрыто крошечное хранилище муки, и очень трудно при размоле отделить содержимое этого хранилища от общей массы. Обычно удается получить в чистом виде менее половины возможного количества мучнистой массы, основная часть которой, насыщенная твердыми частицами крахмала, смешивается с отходами мукомольного производства, в частности, с отрубями. Каким образом избежать этих потерь? Этот вопрос с давних пор занимает мировую науку, и первый в мире ответил на него советский профессор Куприц.

Профессор Куприц доказал, что при размоле зерна происходят сложнейшие физико-химические процессы, и нельзя, как это делали до последнего времени, отождествлять измельчение зерна с дроблением обычного твердого тела, например, горной породы.

После многочисленных экспериментов ученый пришел к выводу, что лучшим орудием для расщепления зерна является вода, та самая вода, которая всегда считалась злейшим его врагом. Комбинируя увлажнение с последующей сушкой, профессор Куприц уменьшал твердость зерна и ослабил силы сцепления отдельных его частей, мешающих наиболее полному извлечению мучнистой массы. Вода проникала в микроскопические трещины твердых частиц крахмала, и они разрушались, подобно тому, как рвутся водой гранитные скалы. Вода расщепила зерно.

После опубликования своей фундаментальной монографии «Физико-химические основы размола зерна», обогатившей мировую науку новыми передовыми идеями, ученый-новатор, удостоенный за свое открытие Сталинской премии, добился нового замечательного успеха. Разрабатывая проблемы, выдвинутые в своем труде, Я. Куприц нашел недавно метод переработки ржи в белую муку. Это также имеет огромное значение для народного хозяйства нашей страны, где рожь играет большую роль в хлебном балансе.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Киев.** Совет Министров Украинской ССР постановил соорудить в г. Миргороде надгробный памятник классику грузинской поэзии Давиду Гурамишвили.

Давид Гурамишвили долгое время жил в г. Миргороде и умер здесь в 1792 году. В начале нынешнего года комиссия Союза советских писателей Украины и исполкома Миргородского горсовета установила место погребения грузинского поэта.

◆ **Сталино.** Здесь создан областной заочный абонемент, высылающий читателям книги по почте. Сталинская областная библиотека обменивается книгами со многими библиотеками Москвы, Ленинграда, Харькова, Одессы и других городов. Шахтеры имеют возможность пользоваться богатейшими фондами крупнейших книгохранилищ страны.

◆ **Тарнополь.** В приднестровских районах области начала работу научная экспедиция Археологического института Академии наук Украины. Экспедиция выявляет древние поселения славянских народов на берегу Днестра.

Академик Г. УРАЗОВ

Беречь и развивать научные школы

Институт общей и неорганической химии имени академика Н. С. Курнакова двенадцать лет назад называли «гордостью советской химии». Это почетное название было вполне заслужено им.

Институт был создан в 1934 году. Он об'единил в себе Институт физико-химического анализа и Институт по изучению платины и других редких металлов, созданные еще в первые годы советской власти по инициативе выдающихся русских химиков—академика Н. С. Курнакова и проф. Л. А. Чугаева. Это были одни из первых академических научных учреждений, ставивших перед собой задачи, непосредственно связанные с потребностями народного хозяйства. В них развились и окрепли две самобытные советские химические школы — школа физико-химического анализа, созданная Н. С. Курнаковым, и школа Л. А. Чугаева, изучающая стереохимию комплексных соединений платиновых металлов.

Школа академика Н. С. Курнакова, разработавшего совершенно новый метод исследования вещества, заслуженно пользуется славой одной из крупнейших в мировой химической науке.

Старая препаративная химия для решения вопроса о химической природе вещества пользовалась только обычными для нее операциями—разделения и очищения. А так как важнейшие в практическом и теоретическом отношении об'екты—металлические сплавы, шлаки, твердые и жидкие растворы, стекло и т. д. — разделять и очищать невозможно, то они фактически почти не исследовались.

Школа Н. С. Курнакова строила свою работу на новом научном принципе—физико-химического анализа. Этот метод помог исследователям глубже проникнуть в тайну химической природы вещества и его возможных превращений.

Какое значение имели работы школы акад. Курнакова, знают не только советские химики, но и металлурги, металлографы, работники оборонной, пищевой промышленности и многие другие.

Достаточно вспомнить, как важны были работы школы для развития советской соленой промышленности, в частности, для эксплоатации Кара-Богаз-Гола; для создания в СССР мощной калийной базы; как плодотворно был применен метод физико-химического анализа для изучения сложных органических систем.

Следует указать, что большинство известных химикам всего мира диаграмм состояний металлических сплавов было исследовано и построено Н. С. Курнаковым и его школой. На основе исследований многих сочетаний металлов ею были также разработаны и внедрены в производство новые сплавы с особыми физическими свойствами.

Четырнадцать лет назад об'единение двух различных школ в один Институт общей и неорганической химии было целесообразно. Оно диктовалось небольшим масштабом работ обеих школ, недостаточным для самостоятельного существования каждой из них в виде самостоятельного института.

Эта организационная форма долгое время вполне себя оправдывала, но со временем она не только перестала способствовать творческой работе, но начала тормозить ее. Особенно сильно это чувствуется теперь школой акад. Курнакова, деятельность которой проходит в отделе физико-химического анализа. Несмотря на то, что масштабы работы отдела неизмеримо выросли за последние годы, школа академика Курнакова оказалась в институте его имени в наиболее стесненном положении.

А между тем в настоящее время в различных городах нашей страны по методам акад. Курнакова плодотворно работают сотни ученых. Отдел физико-химического анализа является единственным научным центром, где разрабатываются важнейшие теоретические вопросы физико-химического анализа и где координируются планы исследований в этом направлении.

Масштаб работ отдела и диапазон их возросли настолько, что рамки, которыми его стремятся ограничить, заметно тормозят его работу.

В настоящее время внутри школы акад. Курнакова рождаются новые направления, генетически связанные с истоками ее, идейно ведущие дальше теорию и практику физико-химического анализа.

Послевоенный пятилетний план ставит перед нами новые почетные и ответственные задачи. Выполнить их зовет нас долг ученых-патриотов, зовут традиции крупнейшей в стране химической школы.

В какой же мере при существующем положении возможна плодотворная работа школы?

Надо сказать, что в очень незначительной.

За последние годы в выступлениях отдельных руководящих деятелей нашей химической науки начала проскальзывать необоснованная тенденция — сдать в архив идеи физико-химического анализа, считать их как бы уже перевернутой страницей химии, умалить их значение. Следствием этого является стремление административно сократить, а не увеличивать материальные ресурсы школы; сократить ее кадры, лабораторный фонд и т. д.

Для ведущихся в настоящее время отделом серьезных, имеющих большое значение для выполнения пятилетнего плана работ настоятельно требуется техническое перевооружение, необходимо новое техническое оборудование: электронные микроскопы, кинос'емочные камеры, аппаратура для изучения равновесия при больших давлениях и температурах и т. д. Однако до настоящего времени отдел не может получить эти столь необходимые ему современные приборы.

Большие опасения вызывает распыление дирекцией института кадров школы акад. Курнакова. Это в конечном итоге, может привести к ее ликвидации.

Отдел стеснен даже местом. Его лаборатории недопустимо переуплотнены. Это крайне мешает работе.

Крупнейшая советская химическая школа будет бороться за свое дальнейшее творческое развитие. Имеющиеся в настоящее время трудности вполне устранимы. Они не могут служить основанием для того, чтобы как-то тормозился творческий расцвет крупной самобытной научной школы, заслужившей широкое признание в своем отечестве и во всем мире, школы, которая многое сделала и может сделать еще больше для своей Родины.

Школа Н. С. Курнакова имеет все права на активную научную жизнь и развитие. Президиум Академии наук СССР и Отделение химических наук должны принять решительные меры для того, чтобы она могла плодотворно работать.

Письма в редакцию

В Домах учителя — незаконные постояльцы

1. «Крепость правосудия»

25 апреля 1921 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет об организации и работе Домов работников просвещения. С тех пор почти во всех областных городах страны работают Дома учителя — центры политического и педагогического самообразования народных учителей.

До 1942 года существовал Дом учителя и в городе Куйбышеве. Прекрасная специальная библиотека в 15 тысяч томов, уютные, хорошо оборудованные методические кабинеты привлекали учителей города Куйбышева и области.

Но в 1940 году помещение Дома учителя было занято прокурором Куйбышевской области. Библиотека была переведена в тесный, темный чердак здания горОНО; ценное оборудование кабинетов роздано разным учреждениям — Горжилуправлению, Горфо, горОНО, прокуратуре, Тюзу. После войны учителя Куйбышевской области заявили, что пришла пора получить свой клуб обратно. Это было законное желание. Еще в 1944 году Государственный Комитет Обороны СССР издал постановление вернуть всем профсоюзным клубам их помещения. Но для прокурора Куйбышевской области этого решения оказалось недостаточно.

Не подействовали на него и два решения Куйбышевского обкома ВКП(б). Без внимания оставлены прокурором два аналогичных постановления Куйбышевского горисполкома. Не услышано обращение заслуженных учителей РСФСР — депутатов Совета трудящихся—к председателю Куйбышевского горсовета депутату Верховного Совета РСФСР тов. П. Сурину. Последняя просьба об освобождении Дома учителя прозвучала с трибуны первой сессии городского Совета депутатов трудящихся в начале 1948 года. Но и она не дошла до прокурора. Поныне в Доме учителя, как в неприступной крепости, восседает прокурор области! А 10 тысяч куйбышевских учителей и поныне остаются без клуба.

Заслуженные учительницы РСФСР: С. НИКОЛАЕВА, А. КОРОТКИХ, А. СЕНКЕВИЧ
Директор Городского института усовершенствования учителей В. ТИХОНОВ
Учитель-орденоносец М. СЕРГЕЕВ

2. «Трофеи» казанской милиции

Дом учителя в Казани пользовался большой любовью и уважением учителей всей Татарской республики.

В 1923 году Дому учителя было предоставлено в постоянное пользование помещение по Профсоюзной улице, 16. Сами преподаватели взялись за его ремонт и оборудование. Дом был отлично отделан. Все здесь было к услугам учителя. Он мог спокойно отдохнуть, прослушать доклад, лекцию о текущей политике и педагогике, получить консультацию по методическим вопросам, просмотреть хороший спектакль, прослушать концерт, обменяться опытом работы, принять участие в работе кружков. Учитель, приезжавший в Казань из района, останавливался в общежитии при Доме учителя. Квалифицированные лекторы Дома выезжали с докладами и лекциями в районы и села республики. Большая работа проводилась и с детьми учителей.

В начале Отечественной войны здание на Профсоюзной улице, 16, было занято под госпиталь, а Дом учителя был временно переведен в ветхое помещение клуба строителей по улице Баумана, 51. Работа учительского клуба была сокращена, а с 1946 года и вовсе свернута, так как здание пришло в полную ветхость и грозило обвалом.

После окончания войны госпиталь закрыли, но помещение Дому учителя не вернули. Его заняло Городское управление милиции.

Обком ВКП(б) специальным решением обязал Казанский горисполком возвратить учителям принадлежащее им здание по Профсоюзной улице. Решение это до сих пор не выполнено.

Вскоре Обком ВКП(б) совместно с Советом Министров ТАССР вынес новое постановление о предоставлении Дому учителя двухэтажного дома по улице Островского, 20 (бывший клуб шоферов). Но и это постановление остается на бумаге...

Мы обращаемся в «Литературную газету» от имени 22 тысяч учителей и работников народного образования Татарской республики с просьбой — помогите возвратить нам здание нашего Дома, занятого Городским управлением милиции.

Письмо подписали: М. ХАБИБУЛЛИНА, Н. ГАЛЛЯМОВА, З. БИКБУЛАТОВА, А. ТАРАСОВА, А. КОМЛЕВА и другие (всего 85 подписей учителей казанских школ).

3. Пора вернуть!

В начале войны Московский городской Дом учителя по распоряжению ВЦСПС был передан политическому управлению Наркомата Военно-Морского флота. Здесь разместился клуб офицеров Военно-Морского флота.

В 1944 году Дом учителя возобновил свою деятельность, правда, совместно с офицерским клубом. В 1945 году здесь начал работу университет марксизма-ленинизма. В университете занималось 500 учителей.

Была развернута работа в многочисленных кружках самодеятельности, проводились вечера отдыха, концерты, лекции, встречи учителей со знатными людьми страны, был организован методический кабинет, который пользовался у учителей большой популярностью.

Учителя любили свой клуб и с большой охотой посещали его. Но вот в мае 1947 года в помещение Дома учителя в'ехало хозяйственное управление и управление лесопользования Министерства лесного хозяйства СССР.

Университет марксизма-ленинизма работает ныне в четырех районах города. Учителя-слушатели испытывают большие неудобства. В результате значительно снизилась посещаемость занятий. Учительские кружки самодеятельности распылены по разным школам города.

Пора вернуть городской Дом учителя московским педагогам!

Группа учителей: А. ЛЕБЕДЕВА, М. ГАРЕТОВСКАЯ, К. СОКОЛОВА и другие.

Первый том сочинений Некрасова

Вышел первый том полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова, издаваемого Гослитиздатом в 12 томах, под редакцией В. Евгеньева-Максимова, А. Еголина и К. Чуковского. В книгу включены стихотворения 1838—1856 годов, стихи неизвестных годов, варианты, коллективные произведения с Панаевой, Тургеневым и другими.

Для текстологии первого тома использован новонайденный рукописный сборник стихотворений Некрасова, обнаруженный в Государственной библиотеке имени Ленина в 1941 году. Этот сборник, состоящий из 13 самостоятельных тетрадей поэта, дал возможность редакторам нового издания впервые напечатать по автографам Некрасова ряд стихотворений, которые до настоящего времени были известны лишь по недостоверным спискам.

В первом томе в числе произведений поэта напечатаны стихи, не входившие в дореволюционные издания, главным образом, по цензурным причинам («Белинский», «Вчерашний день часу в шестом», «Шевченко», «Бунт» и другие).

Ираклий АНДРОНИКОВ

В селе Лермонтово

По левую сторону тракта, ведущего из Пензы в Белинский, там, где торопливо размахивает крыльями старый ветряк, — поворот на Лермонтово, или, как оно называлось прежде, Тарханы.

На в'езде в село — белая церковь, а возле нее—осененная стройным дубом небольшая часовня. Посреди часовни памятник из черного мрамора. Надпись: «Михайло Юрьевич Лермонтов». И на боковых гранях даты рождения и смерти.

В часовне прохладно и тихо. Стоят вдоль стен знамена с трогательными надписями — от колхозников села Лермонтово, от комсомольцев и общественных организаций районного центра: знак благоговейного отношения к памяти великого земляка.

Кирпичная витая лесенка ведет под часовню, в склеп. Там, освещенный скупым пламенем свечей, стоит черный металлический гроб, в котором запаян другой—с прахом поэта. После долгих хлопот бабка Лермонтова Е. А. Арсеньева добилась разрешения перевезти тело поэта в Тарханы, и весною 1842 года в этом черном металлическом гробу оно было доставлено из Пятигорска. В глубокое волнение повергает вид этой великой могилы...

На конце села за прудом, среди густых лип старинного парка виднеется кровля скромного домика, в котором ныне разместился лермонтовский музей. В этом домике, в этих местах, среди бесконечных холмистых просторов, пересеченных оврагами и небольшими дубовыми рощами, прошли детские и отроческие годы Лермонтова — почти половина его короткой и прекрасной жизни. Только здесь можно понять до конца, как отразились природа и жизнь этих мест в его творчестве. Здесь у местных крестьян учился он русской народной речи, здесь слышал первые песни и живые предания народные об Иване Грозном, о Разине и о Пугачеве, неторопливые рассказы «про день Бородина» от крепостных крестьян—участников пензенского народного ополчения в войну 1812—1815 годов. Здесь видел он и пляски «с топотом и свистом», и тяжелый подневольный крестьянский труд. И с тех пор навсегда сроднился с народом.

Летом 1941 года вся наша страна готовилась торжественно отметить столетие со дня гибели Лермонтова. Уже сверялись последние корректуры юбилейных изданий, готовилась к открытию Всесоюзная лермонтовская выставка в Москве, составлена была программа торжественного заседания в Большом театре Союза ССР. Помешала война.

Но никогда еще не звучали с такой страстью стихи Лермонтова, исполненные патриотического жара, никогда еще не сливались они так с чувствами и мыслями народа, как в то трудное время, когда красноармейские газеты выходили с призывами: «Ребята! Не Москва ль за нами!» В маленьком степном городке Краснодоне, далеко за линией фронта, Олег Кошевой и его мужественные комсомольцы твердили наизусть лермонтовские строки, вписывали их в свои заветные тетрадки. За годы войны Лермонтов стал нам еще ближе.

И вот семь лет спустя после начала войны мы приехали в Лермонтово, чтобы передать в дар музею барельеф поэта, отлитый еще в 1941 году, и в его седьмую годовщину со дня смерти возложить на могилу поэта венки от имени Союза советских писателей и Академии наук СССР.

В солнечный воскресный полдень 25 июля на сельскую площадь собрались колхозники села Лермонтово и окрестных районов, с'ехались жители г. Белинского, рабочие из города Каменки, учащиеся Белинского пединститута. Походным строем пришли белинские пионеры.

Митинг открыл председатель исполкома райсовета тов. Зенкин. Новом выступил доктор филологических наук Н. Степанов. Дар Союза советских писателей СССР—бронзовый барельеф—был вручен директору лермонтовского музея. Поэт Михаил Луконин прочел стихотворение о Лермонтове. И с огромным волнением говорили о Лермонтове его земляки: представитель Пензенского облисполкома тов. Старцев, доцент Пензенского пединститута тов. Кузьмин, директор музея тов. Корнилов, председатель колхоза «Путь Ильича» тов. Трофилов.

— Лермонтов был великий поэт,—сказал председатель колхоза. — Он был передовой человек. И это обязывает нас — его земляков — быть достойными имени Лермонтова, которое носит наше село, и стать в число передовых колхозов области на уборке нового урожая.

Потом все двинулись к склепу, где наша делегация и делегация Пензенского пединститута возложили венки на могилу. И сотни людей спустились к гробу в глубоком молчании. Целый день под'езжали к музею машины, и экскурсанты, обнажая головы, входили в дом один за другим.

Медаль венгерского «Пенклуба» украинскому поэту

КИЕВ. (Наш корр.). Недавно лауреат Сталинской премии поэт Л. Первомайский получил из Будапешта от венгерского «Пенклуба» сообщение о том, что ему единогласно присуждена медаль клуба за высокохудожественные переводы стихов Шандора Петефи на украинский язык. По многолетней традиции «Пенклуба» одна медаль ежегодно вручается иностранному писателю, особо отличившемуся в популяризации венгерской литературы за границей. Возрожденный на новой демократической основе после войны венгерский клуб литераторов первой медалью наградил советского украинского поэта.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» Л. Первомайский сообщил:

— Переводы стихов гениального венгерского поэта Шандора Петефи на украинский язык впервые сделаны до революции поэтом-демократом Павлом Грабовским. Мой первый перевод стихов Петефи издан на Украине в 1938 году. К исполняющемуся в 1949 году столетию со дня смерти Шандора Петефи Государственное издательство художественной литературы УССР выпускает новую книгу стихов поэта в моем переводе.

Недавно в Будапеште, в издательстве «Анонимус», вышел вторым изданием сборник стихов Л. Первомайского «Будапештское письмо» в переводе Г. Радо.

КООПЕРАТИВНОЕ ЧУДО

Мы не знаем, когда руководителей Всекоопинсоюза осенила мысль увековечить свое учреждение. Утверждают только то, что она, точно солнечный луч, блеснув однажды хмурым ноябрьским утром прошлого года, уж больше не давала им покоя.

Мысль, возникшая у кооперативных руководителей, интуитивно была угадана некоей Анастасией Суворовой, именующей себя детской писательницей. Суворова смело пошла навстречу руководящим деятелям союза, решив во что бы то ни стало добиться занесения их имен на скрижали истории.

Удалась ли эта сложная миссия самоотверженной Суворовой? История отвечает на этот вопрос положительно.

Сказано — сделано. Работа закипела. Не более чем через четыре месяца, прошедшие с того памятного ноябрьского утра, в лабиринтах Всекоопинсоюза появился атлас-альбом весом в несколько пудов! История была сделана, тщеславие кооперативных деятелей удовлетворено.

Но там, где кончилась одна история, там началась другая.

Чтобы создать сие кооперативное чудо, Суворовой потребовалась творческая бригада. В ее состав она включила своего супруга Борисова (будто бы по специальности режиссера), некоего Репина, выдающего себя за художника, и его жену Лукович. Дабы все предприятие получило завершенную, классическую форму, главным редактором альбома Суворова назвала утвержденного президиумом союза тов. Пинсон.

На творческую работу был, разумеется, составлен трудовой договор. По мере выполнения отдельных узлов столь сложного «агрегата» Суворова выписывала счета, которые подтверждал главный редактор тов. Пинсон, а тов. Пинсон — заместитель председателя президиума — распоряжался оплачивать их.

Ловкая Суворова быстро сообразила, какой замечательный сюрприз уготовила ей судьба. Напав на золотоносную кооперативную жилу, она энергично принялась ее разрабатывать. По предварительным данным, плоды ее усилий увенчались серьезным успехом: во всяком случае, семейные дела ее встали на прочный фундамент кооперативных средств. За очень небольшой срок Суворова получила за изготовление альбома 82 тысячи рублей, да ее муж Борисов — более 36 тысяч рублей.

Что же представляет собой чудо-альбом? Весит он 4 пуда. По замыслу авторов, альбом должен был отобразить всю жизнь и деятельность всероссийской кооперации инвалидов с 1921 по 1948 год. Эта деятельность должна была получить наглядное отражение на 36 монтажах-диаграммах, вкладываемых в массивную папку из толстого сантиметрового картона, обтянутого текстовинитом (подобие линкруста). Альбом запирается с помощью увесистого алюминиевого козырька. Немногим счастливцам удалось бы подцепить и поднять с помощью обычной человеческой силы этот чудо-альбом. Так вот, для удобства перемещения альбома он устанавливается на ножки из нержавеющей стали.

О художественной стороне альбома говорить много не следует. Авторитетная комиссия признала его полную антихудожественность. Не лучше дело и с содержанием. Достаточно сказать, что на трех листах альбома приводятся цифры о количестве артелей, ныне об'единяемых Всекоопинсоюзом. И все эти цифры разноречивы. Фотоснимки о работе артелей и стихи, встречающиеся в альбоме, безвкусны и пошлы.

И вот это-то чудо тщеславия и глупости обошлось пока что союзу в 130 тысяч рублей.

Министерство государственного контроля РСФСР, куда ныне доставлен этот чудо-альбом, занято расследованием «творческой деятельности» Пинсона и авторской бригады Суворовой.

Надо полагать, что скороиспеченный редактор и сомнительная писательница понесут должную кару.

Нам остается задать еще только один вопрос руководству ЦК профсоюза работников полиграфического производства и печати СССР: как могло случиться, что аферистка Суворова осуществляет всю свою «деятельность», кстати говоря, не впервые, опираясь на справки, выданные ей «Комитетом детских книг и юношеских писателей» ЦК профсоюза?

А. ГОЛОВАНОВ

Музей великого ученого

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Осенью 1948 года в Ленинграде состоятся торжества, посвященные 200-летию основанной М. В. Ломоносовым первой в России научной химической лаборатории. К этому времени будет открыт и Ломоносовский музей, создаваемый в реставрируемом сейчас здании Петровской кунсткамеры.

В музее устраивается большая постоянная выставка архивных материалов, характеризующих труды Ломоносова в области химии. Здесь же будут экспонированы макет первой русской лаборатории (в одну десятую величины), коллекции подзорных труб и приборов, принадлежавших Ломоносову, большое зажигательное стекло, которым он пользовался для своих опытов. На стендах собраны редкие книги из библиотеки великого русского ученого, неизвестные портреты Ломоносова, писанные его современниками, и другие ценные экспонаты. Выставлен и уникальный мозаичный портрет Александра Невского, выполненный при участии Ломоносова в его мастерской.

В дальнейшем Ломоносовский музей предполагается значительно расширить. В музейных залах намечено разместить материалы о трудах Ломоносова по физике, оптике и другим наукам. В павильоне, посвященном деятельности Ломоносова в области астрономии, будет установлен на двух мраморных колоннах знаменитый меридианный круг, при помощи которого ученый вел свои наблюдения. Музею передается большой глобус, построенный Ломоносовым. Этот глобус, хранившийся в Пушкине, был увезен немецкими оккупантами и недавно возвращен в Ленинград.

Чувства, которые нельзя не выразить...

Однажды в припадке похмельного пессимизма Леонид Андреев сказал: «Кондитер — счастливее писателя, он знает, что пирожное любят дети и барышни. А писатель — плохой человек, который делает хорошее дело, не зная для кого и сомневаясь, что это дело вообще нужно. Именно поэтому у большинства писателей нет желания обрадовать кого-то, и хочется всех обидеть».

Из далекого и страшного мира звучат эти слова, такие враждебно-чужие советскому читателю. Ведь с самых первых шагов он привык называть писателя своим другом, руководителем, наставником. Он, этот читатель, берет книгу с открытым сердцем, зная и веря, что писатель хочет его обрадовать и непременно обрадует.

В единстве общественного и личного — корни высокого оптимизма советских людей. Образ положительного героя в той или иной книге — будь то сосредоточенный и сдержанный полковник Воропаев из «Счастья» П. Павленко, или нетерпеливый, стремительный Кесоу из повести Г. Гулиа «Весна в Сакене», или резкий, угловатый Листопад, — этот образ как бы говорит читателю: «Так бери и ты радость. Это у нас ненормированный продукт, бери, сколько можешь унести».

«... Такие, как Листопад,—пишет В. Панова в «Кружилихе», — ничем не жертвуют, они за собой и долга-то не числят, они о долге и не думают, они со своей работой слиты органически, чуть ли не физически... Для других пятилетний план завода, а для него—пятилетие его собственной жизни, его судьба, его кровный интерес».

Доверие и уважение к литературному делу, взгляд на книгу, как на великую воспитывающую силу, сознание кровной связи литературы с жизнью обращает нередко читателя в писателя, заставляет многих молодых людей взяться за перо. И, конечно, в первую очередь из-под их пера выходят стихи, ибо кто в молодости не писал стихов. В этих стихах звучит желание поделиться чувствами, передать свою бодрость, уверенность в будущем, рассказать о своей работе, о своих достижениях, о любви к Родине, к Сталину. Ведь каждый знает, что его достижения—это достижения всей страны, что его любовь к Родине разделяется всеми, что это общая любовь советского народа. А значит, и радость общая.

Если бы Воропаев, Листопад, Кесоу и многие другие литературные герои захотели излить свои чувства в стихах, то их стихи, вероятно, были бы очень похожи на те, которые каждый день получает «Литературная газета» со всех концов нашей страны. Эти стихи в большинстве профессионально очень слабы, наивны, часто в них нет знания самых основных правил стихосложения, и, конечно, их нельзя рассматривать, как поэтические произведения, подлежащие печати. Но многие авторы и не думают о печати: они шлют стихи лишь для того, чтобы выразить те чувства, которые они не могут не выразить.

Большинство стихов посвящено Родине, партии, Сталину.

Рабочие, колхозники, люди интеллигентного труда спешат рассказать великому Сталину о своей работе, о том, как радостен и успешен их труд.

Так молодой шахтер И. Щапав (Донбасс), обращаясь к Сталину, пишет:

Наши думы всегда о тебе.
Оттого горячи мы в труде.

И. Шатров (Москва) в стихотворении «Слово народа» воспевает боевое знамя—пятилетний план. Он обращается к товарищу Сталину со словами:

Нет таких преград, которых не возьмем,
Будет надо — мы моря осушим,
Дашь приказ нам — горы повернем!

Педагог Давид Лившиц (Томск) говорит о том, что все взоры и сердца обращены

Туда, где Сталин нам кивает
С трибуны мавзолея.

Те, кто отстоял Родину в бою, клянутся Сталину побеждать в великом мирном труде:

В полях,
в городах
и на стройках великих
Все шире стахановский труд.

О героическом мирном труде бывших фронтовиков слагает стихи Е. Савинов (Ярославль). Он обращается к своим фронтовым друзьям:

Где вы, на каких крутых дорогах?
Сколько вахт сейчас несете вы —
В облаках,
На каменных порогах,
На заводах Тулы и Москвы?

Мастера былой военной сметки
Сеют хлеб на боевых полях,
Ткут полотна сказочной расцветки,
Через степь ведут широкий шлях.

И совсем из другого конца советской земли, из Киргизии, учительница Е. Горбатенко шлет стихи, которые называет «Благодарим». Здесь выражено чувство горячей благодарности товарищу Сталину. Сталин — ясное солнце, дающее тепло всему миру, творец судьбы трудового народа. Его мудрая забота чувствуется везде, всюду, на самом маленьком и отдаленном кусочке советской земли.

Очень много стихов посвящено колхозной теме.

Работник сельской кооперации В. Ладынин (Смоленская область) говорит о подвиге хлеборобов, о неоглядном просторе полей, о тракторе, который

Проворно месит сдобный чернозем,
Чтоб был богатым праздник урожая.

Евгения Лазунова из Алма-Ата пишет лирические «Стихи о зерне».

Еще с полей не сходит хрупкий снег,
Весны дыханье ветру не дано,
А соки под землей стремят свой бег,
Где проросло озимое зерно.

И смуглый молчаливый агроном
Увидит, как, решимости полно,
Встает в полях, в его краю родном
Литым стеблем колхозное зерно.

Часто в стихах звучат гнев и презрение к тем, кто хочет снова нарушить мирную жизнь советского народа.

М. Гиленов (Молотовская область) предупреждает хищников-капиталистов, что если они черной и злой ордой снова ворвутся в советскую страну, то их ожидает участь немецких фашистов.

Ф. Самойлович (Днепропетровская область) пишет, что за океаном «вьются тучи чернее обугленной ночи». Но Сталин несет человечеству солнце и счастье, он развеет эти злые тучи.

* * *

Таковы сокровенные чувства советских людей, такова их лирика. Пусть из большинства начинающих писать стихи не выйдет поэтов. Но поэзию нашей жизни, нашей современности они чувствуют всем своим сердцем.

Б. БРАЙНИНА

Писатель и его дело

И. РЯБОВ

Книга рассказов и очерков Алексея Колосова, вышедшая в издательстве «Правды», принесет большую радость всем любящим и знающим советскую деревню, человека ее, язык ее. Книга эта невелика по об'ему, но тяжелей некоторых томов ложится она на весах, измеряющих писательское знание жизни и писательское уменье.

Земле, труду колхозников посвящены рассказы и очерки, вошедшие в книжку. Ее автор глубоко и тонко чувствует родную природу, умеет рисовать ее пейзаж.

Когда Колосов рассказывает нам о речных просторах, о деревьях, о травах и цветах, о зверях и птицах, мы вместе с автором видим и ласковые заводи, и трепетную березку, и желтеющую ниву.

А. Колосов—лирик, некоторые его вещи воспринимаются нами, как лирические миниатюры.

Колосовский пейзаж — это пейзаж современной деревни, и поэзию деревни Колосов видит в том новом, революционном, прогрессивном, что властно вошло в деревенскую жизнь в годы социалистической реконструкции. Машина, которую певцы старой деревни называли «окверным гостем», утверждая, что крестьянская песня не сживется с ним, — эта машина не смяла ни былинку в поле, столь милую колосовскому сердцу, ни робкую березку, весенний трепет которой так хорошо он чувствует. Машина призвана служить благородной цели украшения родной земли и украшения ее хозяина — человека. Перед читателем книги «Рассказы разных лет» предстает новая земля и новый человек на ней.

«Глеб переводит глаза на взгорье: там раскинулся молодой вишневник, где живут в вольерах лисы, чуть в стороне светло кружится ветродвигатель, вправо стоит пятистенный дом; в одной половине его — библиотека, в другой — хата-лаборатория. А внизу по широкому долу тянутся «кислянки», неродимые, гиблые земли. И только в середине пустоши, на трех или четырех гектарах, так ярко зеленеет овес, словно в том месте землю прорвало и из недр ее вылился веселый изумрудный поток. Это заведующий хатой-лабораторией Александр Рябкин и девятеро здешних комсомольцев заизвестковали делянку, засеяли ее овсом — и по тоскливой, от века непаханной пустоши яро прыснули зеленя» («Охотники»).

Ростки нового на старой русской земле привлекают к себе внимание писателя. С жадностью вглядывается Колосов в каждую новую черточку сельского пейзажа, и его художническое внимание и человеческую любовь привлекают юные, молодые, здоровые, светлые, красивые черты, черты деревни, свершающей свой переход в коммунистический век.

Люди этого века, новые крестьяне являются героями рассказов и очерков Колосова. Он хорошо показал, что лучшими людьми колхозной деревни являются коммунисты —талантливые, грамотные, инициативные вожаки деревни. «Это они, деревенские коммунисты и активисты, ведут деревню, воспитывают людей, строя социализм»... Колосов пишет о простых, рядовых, обыкновенных людях. Его книга показывает нам социализм, вошедший уже в быт деревни, и социалистические отношения, ставшие нормой для большинства колхозников. Писатель умеет найти новое в обыкновенном факте, в мелочи, в детали. Старик Васильич на дежурстве в колхозной риге почувствовал себя плохо.

«Нехорошо заломило в висках, сердце точно сползало в мертвую пустоту, коричневая мгла закачалась в глазах... Упал. Такого — не удержаться на ногах, лежать в забытьи — еще не было с ним. Очнувшись, полз по земляным ступеням, тяжело поднялся, стоял, охватив руками шершавый стол. Сверкали алмазы Медведицы, легкий снежный дымок курился над сугробом, и только их — звезды да белый дымок—и видел в те минуты Васильич. Но все ровнее билось сердце, свежело в голове — медленно шел он к сугробу, умылся снегом...»

Васильич решил сделать завещание и говорит женщине, пришедшей сменить его, о хлебе, о деньгах своих. Хлеб он отдает «на распоряжение колхоза. Как он распорядится, так и пускай. А деньги... слышишь?.. под суконным отрезом в сундуке... Подымешь отрез, под ним книжка... без двух сотен пять тысяч... Их отослать с сообщением: от помершего, мол, колхозника Кривцова Петра Васильича по душевной его воле высшему руководителю колхозной жизни товарищу Сталину — на укрепление главного строительства. А куда, как—это уж он там распорядится, ему оттель виднее. Та-ак. А что в сундуке и всю одежду, — в сиротский дом ребятишкам. Беспременно сиротским ребятишкам. Как женщину, душой тебя прошу: уследи, чтобы беспременно...»

Послеоктябрьское поколение советских людей запечатлено Колосовым в ярких, запоминающихся образах. Это поколение, свободное от груза прошлого, от старой мужицкой корысти, от «сухаревки» в душе, это поколение утверждает в советской деревне новую нравственность, новую мораль.

В чудесном рассказе «Сын» парнишка Петрунька Колобов выступает против «идеалов» своей матери, крестьянки-единоличницы, промышляющей торговлей, дружащей со старорежимными людьми. «Про нее на селе говорили, что она «уже насквозь проспекулировалась» и что «принцип у нее теперь единственный: рви-дери». Мальчик обращается к ней с протестующим вопросом: «Мамка, почему мы стыдные?.. Почему ты спекулянничаешь, а не как все?» Сын хочет жить в селе, именно «как все», т. е. по колхозному, общественному укладу. И мать подчиняется ему. Она выходит из темного кутка единоличника в просторный, светлый мир коллектива.

Для Колосова колхоз—не только хозяйство, вооруженное машинами, опирающееся на агротехнику и агронауку, выращивающее рожь и пшеницу, разводящее скот и птицу, украшающее землю садами и парками. Писатель рисует духовную, моральную силу колхоза. Колхоз очищает душу человека от мелких мыслей и чувств, возвышает эту душу, облагораживает ее. Жадность и зависть, старая мужицкая корысть не вяжутся с обликом колхозника. В рассказах и очерках бытописца советской деревни мы видим людей, мыслящих и поступающих в полном соответствии с теми социалистическими законами человеческого поведения, которые восторжествовали в нашей деревне.

Писатель показывает, что колхозному миру удается победить в крестьянине ветхозаветного Адама, что коллектив способен исправить, выпрямить человека. В рассказе «Самокритика» показано это на примере Степана Квашина. Коллектив дает урок человеку, начавшему заплывать жирком, отрываться от народа. Квашин подвергается критике на общем собрании. «Вот, — говорит ему одна из колхозниц, — довел себя до того, что сидишь перед всем народом, как мимоза». Степан Квашин после собрания чувствует свое нравственное одиночество. Он не спит ночью, идет по улице, разговаривает с колхозным сторожем Вавилычем о своих упущениях. Он все говорил и говорил со стариком, уже уставшим его слушать, «и от горьких, впервые вырвавшихся признаний светлело на его душе, и он уже не ощущал одиночества». Он становился иным человеком, и стать этим человеком помог ему коллектив, общество.

Колосов, как это иногда бывает с лириками, обладает еще одним драгоценным даром. Этот дар — чувство юмора. Писатель видит в жизни не только светлое, хорошее и умеет хорошо рассказать об этом. Он видит и смешное в жизни. Без желчи, без злобы, без раздражения вышучивает писатель слабости и недостатки людей, если эти люди не порочны по своей сути, не являются противниками и врагами общего, народного дела. Но Колосов становится злым сатириком, когда встречается с прохвостами, жуликами, бюрократами, самодурами, вельможами с партийными билетами. Жаль, что Колосов-сатирик представлен мало в этом сборнике, что в него не вошли фельетоны, опубликованные в «Правде» и в «Крокодиле». Фельетон «Неловкая история», приведенный в книге, свидетельствует о силе его сатирического дара.

У Колосова есть еще одно положительное качество — он умеет слышать живую человеческую речь. В рассказе «Вожак» колхозники беседуют о своих руководителях и сравнивают их с председателем другого колхоза, Павлом Трохиным, который в свое время работал у них. Сильней и действенней самой нещадной критики звучат для нынешнего председателя колхоза и других правленцев крестьянские речи о бывшем вожаке.

«— И потом вот еще чего: в грамоте он был сильный. Не то, что некоторые. Хоть вот тебя, Василий Михалыч, взять... Когда ты речь говоришь, не в обиду себе это возьми, не поймешь, человек ты или кукушка. Вот намедни целый час говорил. И все, что ни говоришь, мимо головы идет. А ведь вот, бывало, Пашка. Начнет о политике говорить, ну, все тебе ясно, все тебе понятно, будто свежие яйца на стол выкладывает: тут тебе Китай, тут тебе французы топчутся, тут тебе понятие обо всем. Он ведь по две газеты в день читал, и у него больших книг Ленина, Сталина целый шкаф стоял. И когда зачнет говорить, каждое слово прямо в середку ложится, и было чего пожевать. А теперь, хоть тебя, Василий Михалыч, взять, хоть вот Родиона Евсеича, хоть Микишина Ивана Иваныча — окромя кукующих слов от вас ничего ясного о политике не узнаешь. А без политики нынче дыхания человеку нету. Ведь Пашка-то, бывало...»

Так эти люди создают образ своего вожака, который мог бы поставить запущенный их колхоз вровень с передовыми. «Они собирают воедино все лучшие черты прежних председателей и парторгов колхоза и переносят их на Павла Трохина. Какой это организатор, какой агротехник, какой пропагандист!..»

Вторая часть сборника составлена из очерков и корреспонденций, в которых фигурируют уже не литературные герои, а живые, названные по имени и фамилии люди. Эти рассказы и очерки — правдивая летопись дел в деревне. Написанные в разное время, они не утратили своего значения. Они опровергают неумную «теорию» о недолговечности газетного материала. Этот материал и сегодня живет для читателя, как живет старый газетный комплект, в котором запечатлены события и факты времени. Очерки «Ленин и крестьяне», «Крестьянская дочь», «Агитаторы», алтайские зарисовки имеют для читателя непреходящее значение и читаются с живейшим интересом.

Социалистическая деревня хорошо известна Алексею Колосову, и дело этой деревни стало его личным и кровным делом. Отсюда идет сила эмоционального воздействия его рассказов. Испытываешь благодарность к талантливому писателю за правду жизни, за зрелую мысль, за полновесное, как зерно в хорошем колосе, слово.

Рыцари «единого потока»

В. ЖДАНОВ

Одна из боевых задач советского литературоведения состоит в том, чтобы разоблачить до конца пережитки лженаучных теорий, согласно которым процесс становления великой русской литературы прошлого будто бы представлял собой единый поток гармонического развития, и в русле этого потока — без борьбы, без противоречий — развивалось творчество самых различных писателей. Отрывая русскую литературу от освободительной борьбы народа, отказываясь от социального анализа, приверженцы этой теории, по существу, отрицают высокую общественную роль нашей литературы, выхолащивают ее социальное содержание. Идеологи буржуазного либерализма в литературоведении в своем стремлении обойти острые вопросы классовой борьбы закрывали глаза на события и противоречия действительности. Они выравнивали в одну шеренгу всех писателей, признавали их равно прогрессивными, независимо от времени и конкретных исторических условий, в которых они творили. Такой подход к явлениям литературы открывает широкий путь к поискам всякого рода влияний, сопоставлений и аналогий, путь, не имеющий ничего общего с научно-марксистским анализом литературного процесса.

Рецидивы этих отсталых и вредных взглядов по временам напоминают о себе, проявляясь то там, то тут в отдельных работах наших ученых. Антинаучная теория «единого потока» еще живет и даже «разрабатывается» на страницах академических изданий; ее, приукрашенную марксистской фразеологией, нередко еще преподносят студентам и аспирантам.

Странно видеть, когда некоторые почтенные литературоведы выступают в недостойной роли продолжателей традиций либерально-буржуазной науки в роли рыцарей гнилых теорий. Еще более странно, что они делают об'ектом своих изысканий колоссальную фигуру нашего великого современника Горького. Десятки страниц своих трудов они посвящают обоснованию тезиса, смысл которого сводится к тому, что Горький, как продолжатель национальных традиций русской литературы, будто бы целиком укладывается в русло пресловутого «единого потока». Мы говорим о статье проф. В. Десницкого «М. Горький и национальные традиции русской литературы», опубликованной в «Ученых записках» Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (том 58). Весь пафос этой статьи направлен на то, чтобы доказать кровное родство и полное единство Горького со всей предшествующей русской литературой. Разумеется, никто не стал бы спорить с тем, что Горький является наследником ее великих традиций. Но, доказывая это с помощью множества аргументов, не следует забывать, что Горький явился величайшим художником пролетариата, что ему суждено было стать вождем литературного движения новой эпохи в истории человечества — эпохи Великой Октябрьской социалистической революции. Горький выступил как основоположник нового художественного метода этой эпохи — метода социалистического реализма. И благодарная задача советской науки заключается не только в том, чтобы доказать связь писателя с прошлым, но одновременно вскрыть глубокое своеобразие его творческого пути, показать, то **новое**, что внесено им в развитие русской и мировой литературы, обнаружить принципиальное **отличие** великого художника рабочего класса от его предшественников — великих реалистов прошлого.

К сожалению, этого важнейшего обстоятельства не имел в виду В. Десницкий, когда он решил заняться выяснением преемственных связей Горького с его предшественниками. Увлеченный стремлением доказать, что Горький, как художник, двигается «в основном могучем потоке русской литературы, у истока которого стоит Пушкин», автор забывает о глубокой партийности творчества Горького, которая кладет рубеж между ним и литературой старого общества. Весь свой пыл он направляет на то, чтобы утвердить Горького в русле «единого потока».

Что отличает Горького от Пушкина? По мнению В. Десницкого, Пушкин, пытаясь обогатить родную литературу и ускорить темп ее развития, вынужден был опираться на опыт западноевропейских писателей, а Горький уже имел возможность не делать этого, а опираться только на успехи отечественной литературы. В этом усматривает В. Десницкий единственное отличие Горького от Пушкина.

В дальнейшем В. Десницкий без всяких колебаний целиком отдает Горького старой литературе, самозабвенно устанавливая его родство решительно со всеми писателями, независимо от того, к какому политическому лагерю они принадлежали. Оказывается, что «отношениями преемственности, тематической общностью, близостью разрешаемых задач, единством социальных настроений, сходством отношения к явлениям русской жизни, к родному народу, к его языку М. Горький связан не только с корифеями русского художественного слова, но и с многочисленными, менее значимыми русскими писателями».

После этого уже не приходится удивляться, что, по мнению В. Десницкого, Горький перекликается с «народнической пропагандистской сказкой» и находится чуть ли не в прямом родстве с Достоевским. Известно, что Горький видел в авторе «Братьев Карамазовых» своего творческого антипода, что он активно боролся с «достоевщиной». Однако В. Десницкий считает, что не Достоевский, а Гоголь был «единственным из классиков, к которому как к художнику у Горького было какое-то сдержанное отношение, порой даже и отрицательное». С Достоевским же Горького связывали, если верить исследователю, и творческая близость, и прямая учеба, и «общность интереса к постановке и разрешению сложных психологических проблем», и многое другое. В. Десницкий знает, конечно, о неприятии Горьким философии и творчества Достоевского. И вместе с тем положительно утверждает, что Горький, как художник, «нередко движется в одной плоскости с Достоевским». Массу усердия проявляет исследователь, чтобы «доказать» свои нелепые измышления. «Родственность эту, пожалуй, можно отметить и в постановке авторского «я» среди персонажей в формах включения авторского голоса в сложную симфонию отношений к действительности, высказываемых действующими лицами...»

В суждениях о литературе В. Десницкий опирается не только на свой опыт и стаж литературоведа, но и на личное знакомство с Горьким, на свои беседы с ним. В одной из таких бесед он заговорил о Достоевском и Пушкине. И, думается, не случайно Горький «ничего не сказал, промолчал», когда его собеседник заявил, что «Достоевский как художник, как продолжатель пушкинского дела дал блестящее истолкование национального значения Пушкина». Горький, конечно, не мог разделять в какой бы то ни было мере апологетическое отношение к этой архиреакционной речи.

Горький для В. Десницкого — только продолжатель традиций, только «выразитель основных свойств русской классической литературы». Тщательно затушевав социально-историческое своеобразие творчества Горького, В. Десницкий приходит к самым невероятным выводам, рисуя великого писателя-бойца каким-то любвеобильным христианским апостолом, умиленно взирающим на окружающий его мир. Так, выясняется, что Горький умело вводил в свои произведения элементы фольклора и древней христианской легенды, «не оскорбляя притом ничьих чувств и убеждений, примиряя с собой даже и религиозного читателя». Более того, по словам В. Десницкого, Горький так любил русского человека, что любовался им, независимо от того, кем был этот человек, пролетарием или Саввой Морозовым, — лишь была бы в нем русская «сила». Так прямо и написано: Горький «примеривался, прицеливался ко всякому русскому человеку». Благодушно относился он, якобы, и к классовым врагам, которых изобразил в «Фоме Гордееве», «Деле Артамоновых» и других произведениях.

Вот к каким чудовищным выводам, граничащим с прямой клеветой на Горького, привела исследователя порочная теория «единого потока», забвение им принципа партийности в анализе литературного процесса. Представляя в ложном свете историю развития нашей литературы, он оказался не в состоянии определить подлинное значение Горького, как основоположника литературы социалистического реализма. Это понятие даже не упоминается в работе В. Десницкого. Зато она пестрит либерально-культурническими формулировками, вроде: «не отходит от неиссякаемых источников искусства русского слова», «не порывает связей с традициями», «начала гуманности» и т. п.

Порочные идейки, рецидивы либерально-буржуазных взглядов еще живут в нашей науке о литературе. В. Десницкий не одинок. Примерно с тех же позиций трактует творчество Горького и Н. Пиксанов в статье «Великая русская литература» («Вестник Академии наук СССР», 1946, № 1). Здесь смешаны в одну кучу и выкрашены одной краской все русские писатели, оказавшиеся под пером Н. Пиксанова в равной степени народными. Собрав высказывания о народе Белинского, Толстого, Тургенева и Горького, автор делает вывод, что народ был главным героем классической литературы, а «в литературе советского времени его значение только углубилось».

Непонимание подлинного своеобразия и новых качеств советской литературы, движущих сил ее развития, неумение определить принципиальное отличие советского патриотизма от патриотизма прошлых веков, забвение принципа партийности приводит исследователей к грубым политическим ошибкам в оценке явлений литературы.

«РАЗВЕРЗШАЯСЯ ДОМНА»

В 12 номере журнала «Смена» за 1948 год напечатано несколько стихотворений Глеба Пагирева, молодого способного поэта-фронтовика. В стихах его много теплых и хороших слов о советских людях, влюбленных в свой труд.

Но нам хотелось бы предостеречь начинающего поэта от поверхностного отношения к этой важной теме.

А. Г. Пагирев, решив показать героический труд металлурга, проявляет в этой области самое элементарное незнание.

Поэт назвал свое стихотворение «Сталевар», начинается оно так:

Человек, опаленный дыханием домен,
Сорок лет проработавший возле печей,

и вот его конец:

Но когда он стоял у разверзшейся домны
и чугун клокотал под ногами в золе...

Да будет известно тов. Пагиреву и всем членам редакционной коллегии журнала «Смена», что сталевар, в отличие от горнового, плавит сталь, а не чугун, и не в доменных печах, а в мартеновских.

Чугун из доменной печи попадает в ковш по специальной канаве, где никакой золы нет. И на землю чугун попадать не должен. Кроме того, слова «разверзшаяся домна» не очень уж хорошо передают представление о летке — небольшом отверстии, пробиваемом для выпуска чугуна.

Мы считаем, что Союз советских писателей и ЦК ВЛКСМ должны чаще организовывать поездки молодых поэтов и писателей на ведущие предприятия нашей страны для непосредственного знакомства с жизнью современных заводов.

Г. АНДРОНОВ, Б. БУЙВИД,
Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина.

С. ЕВГЕНОВ

Альманах, отстающий от жизни

«Литература всех наших народностей выступает как единое целое», — говорил А. М. Горький на Всесоюзном с'езде советских писателей. Эти слова находят подтверждение в повседневной практике наших журналов, альманахов, издательств.

Развернув любой русский литературно-художественный журнал, можно видеть, что, скажем, стихи Н. Тихонова или М. Исаковского печатаются рядом с переводами стихов Я. Коласа или С. Чиковани, повесть П. Павленко или Г. Березко — в соседстве с переводами повестей А. Гончара или А. Саксе.

В каждом русском издательстве, наряду с книгами русских писателей, выпускаются книги, переведенные с языков народов СССР. В этом деле уже превышены довоенные показатели: так, в «Советском писателе» и Гослитиздате в 1940 году было выпущено 36 книг писателей братских республик общим тиражом в 600 тысяч экземпляров, а в 1947 году вышло 46 книг тиражом в 722 тысячи экземпляров.

В послевоенные годы многонациональная советская литература вступила в полосу нового под'ема. Писатели братских республик создают новые произведения, достойные выхода на всесоюзную трибуну. Место, которое могут предоставить им общие «толстые» журналы, оказывается уже недостаточным.

Предвидя «быстрый рост литературы братских республик», А. М. Горький внес на с'езде писателей предложение об издании «альманахов текущей художественной литературы братских национальных республик, не менее четырех книжек в год».

С этой целью в 1938 году был создан альманах «Дружба народов». Он ознакомил советских читателей со многими достижениями нашей многонациональной литературы. На его страницах были впервые опубликованы удостоенные Сталинской премии произведения Л. Киачели, Г. Леонидзе, А. Исаакяна, а также произведения других писателей. Дело популяризации братских литератур в довоенный период велось неплохо.

Но в годы войны деятельность альманаха из-за нерадивости его редакции и Гослитиздата пришла в упадок; альманах не выходил даже раз в год. Лишь в 1946 году, после того как был обновлен состав редакции и выпуск альманаха передан издательству «Советский писатель», альманах «Дружба народов» стал возрождаться. Три его последние книги—14, 15 и 16—датированы 1947 годом.

Об'ем альманаха увеличен до 25 авторских листов. Больше места занимает в нем художественная проза; введены новые отделы: «По советским республикам», «Трибуна писателя», «Теория и критика». В последних трех книгах альманаха опубликованы такие значительные произведения, как первая часть романа латышского писателя В. Лациса «Буря», вторая часть романа туркменского писателя Б. Кербабаева «Решающий шаг», рассказы многих писателей братских республик.

В большом поэтическом разделе альманаха выделяются стихи казахского поэта К. Бекхожина, латышских поэтов Я. Судрабкална и А. Чака, молдавского поэта Ем. Букова, народного поэта Дагестана Г. Цадасы. Свежестью, убедительностью поэтических образов отличается цикл стихов армянской поэтессы С. Капутикян. Несомненная творческая удача — стихотворение башкирского поэта М. Карима «Дождь».

Однако значительных и ярких произведений в альманахе опубликовано немного. Не напечатано ни одного произведения на актуальные проблемы современности, если не считать нескольких рассказов и стихотворений, повествующих о возвращении демобилизованных воинов к мирному труду. В этом факте сказался один из основных недостатков альманаха — его крайнее отставание от развития братских литератур, в которых появляется все больше повестей и рассказов на темы сегодняшнего дня (повести Г. Мустафина, М. Сулейманова, М. Последовича, В. Собко и др.).

Отставание альманаха в известной мере усугублялось задержкой очередных книг в производстве: 16-я книга, например, находилась в типографии... одиннадцать месяцев. Но этим нельзя ни об'яснить, ни оправдать того, что на страницах последних трех книг альманаха не появилось, кроме романа Б. Кербабаева, ни одного произведения писателей братских республик — лауреатов Сталинской премии. В альманахе совсем не была представлена ни украинская, ни грузинская, ни казахская проза, а из всей армянской прозы напечатан лишь небольшой мемуарный отрывок. Не альманах «Дружба народов» ознакомил читателя с такими крупными явлениями советской многонациональной поэзии, как, например, поэма Я. Коласа «Рыбакова хата», новые стихи А. Венцловы, А. Кулешова, М. Танка. В то же время на страницах альманаха находили место недоброкачественные, претенциозные, порой формалистические произведения, вроде стихов Л. Мартынова (кн. 15), в которых искажается представление о прошлом нашей Родины.

Крайне слаба связь редакции с литературами братских республик. Это особенно видно по отделам очерков и публицистики. Небольшое письмо О. Саган-оола из Тувы и заметка Л. Попова о молодых писателях Якутии — вот и все привлеченные с мест материалы о жизни национальных писательских организаций. В альманахе не появилось ни одного очерка, ни одной статьи, принадлежащих перу писателей или критиков братских республик.

Альманах фактически не коснулся ни одной из важнейших проблем, связанных с развитием национальных литератур. Он остался в стороне от борьбы с пережитками буржуазного национализма, проявлениями космополитизма и низкопоклонства перед культурой буржуазного Запада и феодально-буржуазного Востока. Эти вредные пережитки были вскрыты в литературах Украины, Белоруссии, Армении и некоторых других республик. Там развернулась критика вскрытых недостатков, проходили творческие дискуссии, но все это не нашло никакого отражения на страницах альманаха.

Вместо того была опубликована статья, восхвалявшая неудачное, носящее черты националистических пережитков стихотворение башкирского поэта С. Кудаша «Голос Гафури» (кн. 16).

В той же 16-й книге напечатана недоброкачественная рецензия Г. Шенгели на поэму литовского классика К. Донелайтиса «Времена года». Автор рецензии уводит читателя в дебри версификаторских тонкостей и проявляет не свойственную советским людям восторженность перед западными «предшественниками». Он оспаривает самобытность своеобразной реалистической поэмы Донелайтиса и умиленно изображает литовского классика учеником и подражателем Томсона, Клейста, Виланда и других.

За немногими исключениями, критические статьи и рецензии в альманахе не отличаются принципиальностью и глубиной мысли. Подбор материала в новом отделе «Трибуна писателя» тоже несет на себе печать самотека, случайности. Открывающая отдел статья П. Скосырева «О многообразии национальных форм в советской литературе» (кн. 14) содержит хорошие цитаты, но за ними следуют нечеткие авторские комментарии, подчас искажающие смысл цитат. Так, известный ленинский тезис о двух культурах подменен в статье утверждением, что национальная форма в литературе «видоизменяется по мере изменения жизни народа».

В этой же статье, преувеличивая место фольклора в литературе, автор провозглашает «общность» устного народного творчества и современной профессиональной литературы — «песни-импровизации степного кочевника и вполне развитого современного психологического романа». На этом основании проводится механическая аналогия между произведениями Джамбула и Л. Леонова. Эта неверная мысль получает дальнейшее развитие в другой статье П. Скосырева «Тридцать лет многонациональной советской литературы» (кн. 15).

Много страниц в отделе «Трибуна писателя» заняли узко профессиональные высказывания поэтов-переводчиков, не представляющие общественного интереса и не связанные с важнейшими проблемами советской литературы. Там же нашли место крайне мелочные, суб'ективные и путаные рассуждения М. Малишевского «О стиле переводов поэм Низами». Ничем не подтверждая своих доводов, он, например, заверяет, что В. Державин в переводах Низами «избрал стих, приближающийся к строю раешника», а К. Липскеров — к «французской поэзии XVIII века». На подобных же «основаниях» Л. Озеров в статье «Маяковский и Тычина» уподобил Тычину Шостаковичу, якобы «заставившему Чайковского и Гайдна зазвучать по-современному, а современность звучать по-чайковски и по-гайдновски» (!)...

Редакция альманаха, оставляя в стороне важнейшие проблемы развития литератур, в то же время об'являет выдающимися событиями самые обычные явления литературной жизни. Пример — рецензии на книги стихов И. Неходы и Т. Уметалиева. Публикуемые в альманахе рецензии полны оговорок, извинений по поводу критических замечаний, жеманных реверансов, приятельских поклонов. В одной рецензии читаем: «При скидках на указанные погрешности книга заслуживает искреннего приветствия признательного читателя». В другой: «Удачей книги следует признать то, что над ней с вниманием и любовью поработал коллектив наших лучших поэтов-переводчиков. Редактор книги С. Обрадович умело распределил стихи» и т. д. Цена подобных реверансов ясна, в частности, из последнего примера. Нескольких переводчиков, случайно привлеченных к работе над книгой, автор рецензии—сам переводчик—В. Бугаевский возводит в степень «наших лучших», не забыв расшаркаться и перед постоянным редактором переводов.

Альманах «Дружба народов» призван не только популяризировать лучшие произведения братских литератур. Он должен служить примером оперативности и политической направленности для всех журналов и альманахов, выходящих в братских республиках. С этой ролью альманах пока не справляется. Его редакция неудовлетворительно выполняет указания партии, данные в постановлениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. Редакция не отрешилась от самотека, от либерализма и приятельских отношений, допускает крупные ошибки и погрешности, забывая, что «нужна четкая ответственность за направление журнала и содержание публикуемых материалов» (А. А. Жданов).

Об этой ответственности напомнил редакции секретариат Союза писателей, специально обсуждавший в марте работу альманаха. С тех пор прошло три с половиной месяца, но читатель еще не получил ни одной книги альманаха за 1948 год.

Редакция альманаха «Дружба народов» должна коренным образом перестроить работу, ликвидировать недопустимое отставание от жизни, всемерно повысить идейно-художественный уровень публикуемых произведений, сделать альманах боевой трибуной многонациональной советской художественной литературы.

Вл. ФЕДОРОВ

Венгерская новь

I.

Не так давно знатный токарь механического завода в городе Чепеле Тот Антал вызвал на трудовое соревнование героя труда Байера Оскара — рабочего завода транспортного машиностроения в Диошдьере. Этот вызов стал значительным событием истории новой Венгрии, как значительны и полны нового смысла теперь в лексиконе народа слова «знатный токарь», «герой труда», «трудовое соревнование»...

Коллективы обоих заводов решили, что речь идет не о частном деле двух рабочих, а о чести всех работников — о чести хозяев, какими они стали после национализации предприятий. Так завязалось соревнование двух коллективов. Результаты первого месяца принесли пальму первенства диошдьерцам: их завод выполнил план почти на 200 процентов...

Трудовое соревнование входит в быт венгерского народа. Оно зародилось вскоре после освобождения страны советскими войсками, во время восстановления в Будапеште мостов через Дунай.

Трудовое соревнование сыграло немалую роль и в возрождении из развалин будапештских бульваров Сент Иштван и Музеум, площадей Криштоф и Сел Калман, улиц Ваци и Непсинхаз, в сооружении вновь вознесшейся на высоту 314 метров лакихедьской радиоантенны, в реставрации памятников старины — Будского замка, Эстергомской базилики, церкви на площади Венских ворот...

Но общенациональные масштабы соревнование приняло только после того, как страна перешла на рельсы планового развития. Трехлетний план восстановления и развития венгерской экономики, разработанный коммунистической партией, был утвержден парламентом, и год назад—1 августа 1947 года — введен в действие. Базой «трехлетки» явились национализированные шахты, электростанции, предприятия тяжелой промышленности, банки, осуществленная повсеместно земельная реформа и успешно разрешенная проблема стабилизации денежного обращения.

Однако на пути полного расцвета творческих сил народа было еще немало препон. Сотни предприятий, с количеством рабочих до 100 человек, еще оставались в частных руках. Буржуазия не хотела служить народной демократии ни своими знаниями, ни трудом, ни капиталом.

Правительство устранило это препятствие. 26 марта оно дополнительно национализировало больше 500 предприятий. В ответ на этот акт правительства из края в край страны пронесся клич передовых: «Трехлетку — в два с половиной года!».

В адрес сообщившей об этом в апреле газеты «Непсава», как и в адрес других газет, писавших об успехах стахановцев Советского Союза, полетели письма с просьбами подробней рассказать об опыте советских богатырей труда. Пришедшие к управлению заводами рабочие от станка засели за книги и брошюры, рассказывающие о социалистическом строительстве в СССР, начали тщательно изучать речи товарища Сталина и товарища Молотова в годы сталинских пятилеток.

За два месяца, прошедших после национализации, кривая роста промышленного производства резко поднялась вверх—выпуск продукции в металлургической промышленности увеличился на 16.5 процента, в машиностроительной — на 14,8, в лесной — на 21,4, в текстильной — на 8,2 процента и т. д.

Эти успехи сложились из почина Тот Антала и деятельности многих его последователей, чьими руками, например, был построен коксовый цех в районе г. Печ на шесть месяцев раньше запланированного срока, чьи руки в короткий срок восстановили транспортные артерии страны, воскресили разрушенные заводы...

Широкий размах строительства — новое явление в жизни Венгрии.

В марте этого года в селе Дунахарасти началось сооружение канала между Дунаем и Тиссой. Еще сто лет назад лучшие умы нации мечтали о сооружении такого канала, но постройка его оказалась под силу только новой демократической республике, исполняющей волю народа. Канал свяжет систему водных путей Венгрии, что даст ежегодно экономию народных средств в 60 миллионов форинтов, а также оросит огромные площади бесплодных земель.

В Чепеле, в районе горы Матра на заводе Вейс—Манфред и в других местах воздвигаются электростанции, идет строительство государственной прядильной фабрики на 72 тысячи веретен, растут новые шахты, прокладываются новые железнодорожные пути...

Первый год трехлетнего плана принес венгерскому народу не малый успех.

Уже к апрелю основные отрасли промышленности перешагнули довоенный уровень производства и превзошли средний уровень, запланированный на первый год «трехлетки».

Достижения венгерской демократии можно видеть теперь во всем — в увеличении числа паровозов, курсирующих на магистралях страны, в новых пароходах, бороздящих реки Венгрии, почти в двенадцатикратном увеличении грузового автомобильного парка по сравнению с 1938 годом, в миллионах киловатт-часов электроэнергии, вырабатываемых будапештскими электростанциями сверх довоенного об'ема, в эшелонах удобрений, ежемесячно отправляемых с возрожденных заводов на крестьянские поля, в сотнях тракторов, появившихся в обновленной деревне...

Список достижений венгерской демократии можно дополнить.

В Хайдухадхазе создан городок для детей, лишившихся родителей и крова в результате войны. Детская смертность с 24 процентов в Венгрии Хорти сократилась до 7 процентов в Венгрии демократической. Созданные при учебных заведениях «народные коллегии» обеспечили 10.000 сыновей и дочерей рабочих и крестьян всем необходимым для получения высшего и среднего образования. Сотни новых явлений можно наблюдать сейчас в жизни республики.

Борясь за эти успехи, широкие массы тесно сплотились вокруг организатора и вдохновителя строительства новой Венгрии — коммунистической партии. В июне две рабочие партии— коммунистическая и социал-демократическая — об'единились в единую Венгерскую партию трудящихся. В единстве рабочих партий — залог успеха нового пятилетнего плана, который идет на смену досрочно завершающейся «трехлетке».

II.

После трех лет суховеев в этом году низко клонятся к земле тяжелые колосья на полях Венгрии. Ныне урожай зерновых в республике соответствует среднему довоенному сбору хлебов.

Большой радостью наполнено сердце венгерского крестьянина, собирающего такой урожай со своих, а не с барских полей. Разработанный компартией и принятый Национальным собранием в 1944 году закон передал землю крестьянам. Партия рабочего класса воплотила в жизнь вековую мечту крестьян о земле.

Особой заботой венгерской партии трудящихся является ограждение крестьянства от происков эксплоататорских элементов. Экспроприированные феодалы, их агенты и кулаки используют малейшую возможность для того, чтобы сохранить за собой привилегию эксплоататора.

Для того, чтобы оградить деревню от происков всех этих яношей и сабов, Венгерская партия трудящихся призывает крестьян к об'единению в трудовые сельскохозяйственные кооперативы, которые наилучшим образом могут обеспечить интересы крестьян. Партия провела недавно специальную конференцию по кооперативному движению.

Передовая часть крестьянства уже об'единилась в сотни кооперативов, дружно убирающих обильный урожай на просторах великой венгерской низменности.

III.

Каждый шаг молодой Венгерской демократической республики по пути прогресса сопряжен с борьбой против пережитков старого.

Веками на одной земле жили две неравноправные Венгрии. «Родная, удивительно красивая земля, — писал в романе «Добердо» венгерский писатель-коммунист Матэ Залка, — белохатные села, тихие речки, чистые города, горы, холмы, пуста*, воспетая Петефи, жизнерадостные честные рабочие, славные крестьяне» — все было под пятой «людей, предавших и обманувших народ, заведших его в кровавую авантюру, людей, за низменные интересы которых страдают миллионы, людей, являющихся самыми большими врагами народа».

Люди вот этой второй, антинародной Венгрии, которые до разгрома Германии Советской Армией верой и правдой служили Гитлеру, теперь с помощью Уолл-стрита и Сити пытаются сорвать строительство новой жизни. Все они открыто перешли ныне на службу к американскому империализму. Путь фашиста Золтана Пфейффера, который, едва успев вступить на американскую землю, превратился в подручного Херста, стал путем Карла Пейера, Надь Ференца и прочих врагов венгерской демократии.

Многих из них народ убрал с дороги. Но в стране еще немало агентов «второй Венгрии».

Последние события показывают, что Уолл-стрит и Сити используют все средства, вплоть до вербовки близких родственников государственных деятелей Венгерской республики, для проведения в стране подрывной деятельности. Арест венгерского дипломата Чорноки (Бун) Виктора, зятя бывшего президента республики, вызван тем, что Чорноки передавал английскому и американскому посольствам сведения, составляющие государственную тайну.

Разоблачение вредительской группировки в министерстве земледелия и только что прошедший судебный процесс над руководителями католической организации «Акцио католика» убедительно свидетельствуют о том, что главной опорой международной и внутренней реакции в Венгрии ныне является римско-католическая церковь во главе с кардиналом Миндсенти, окруженным реакционерами из христианского женского лагеря Шлахты Маргит и народно-демократической партии Барановича.

Для распространения реакционной заразы кардинал Миндсенти пытался использовать церковные школы и католическую прессу. Народ бил эту ставку: в июне школы были об'явлены государственными, а типографские рабочие установили цензуру над католическими изданиями.

Освобожденный Советской Армией венгерский народ строит новое независимое демократическое государство, уверенный в своих силах и социалистическом будущем.

*Пуста́—степь

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

Как живет английский рабочий

Издаваемая в Берлине по американской лицензии газета «Ди нейе цейтунг» поместила статью, в которой содержатся весьма показательные данные о положении трудящихся в Англии. Факты, приводимые в статье, ясно свидетельствуют о всей пагубности политики лейбористского правительства, выступающего в качестве усердного оруженосца доллара в Европе.

Как это явствует из статьи, средний заработок английского рабочего составляет 85—90 шиллингов в неделю. Сколько-нибудь пригодная для жилья квартира обходится еженедельно в 80 шиллингов. Понятно, что для найма такой квартиры у рабочего нехватает средств, и он вынужден ютиться в какой-нибудь трущобе, уплачивая за нее 40—45 шиллингов.

В Англии, как известно, и сейчас, спустя три года после окончания войны, продолжает существовать карточная система. По подсчетам английского журнала «Оксфорд бюллетин оф статистик», средняя рабочая семья только на покупку полагающихся ей по карточкам продуктов тратит не менее 56 шиллингов в неделю. Как видим, заработка рабочего нехватает даже на то, чтобы заплатить за квартиру и купить продукты по карточкам, не говоря уже о приобретении одежды.

Нормы продовольственного снабжения, существующие сейчас в Англии, также очень мизерны. Так, например, взрослый человек получает в неделю по карточкам всего 75 гр. сливочного масла. Мясо считается предметом роскоши, поскольку цены на него непомерно высоки.

Существуют, конечно, фешенебельные рестораны, где блюда относительно не нормированы, а выбор их достаточно широк. Но кто может позволить себе питаться в этих ресторанах? Автор статьи вынужден признать:

«Ресторан «Карлтон» простой смертный мог бы посетить лишь в том случае, если он не имеет семьи, спит на садовой скамейке, в качестве одежды довольствуется одними трусами и отказывает себе во всем».

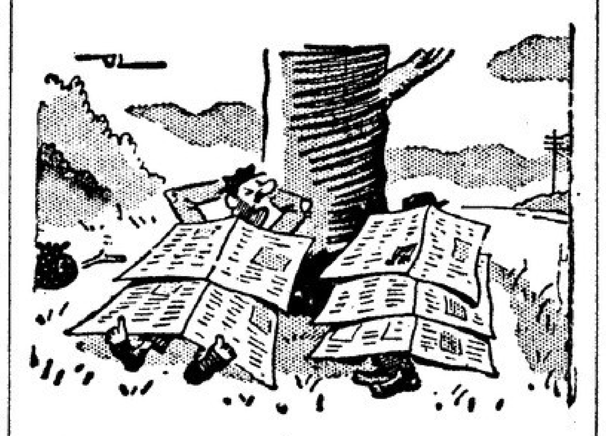
В меню более дешевых ресторанов значатся такие блюда, как яичница с ветчиной, сосиски с капустой, жареная печенка, рыбное филе и т. д. Но в самом конце этих же меню обычно красуется маленькая приписка: «Если имеется в наличии». Что же подают посетителю, которому посчастливилось попасть в ресторан тогда, когда желаемое блюдо «имелось в наличии»?

Даже и в этом случае его ожидает жестокое разочарование. Так, сосиски только «по форме» оправдывали свое название, ибо «по существу» они представляли собой какую-то смесь соевой муки с другими, отнюдь не мясными ингредиентами; мясо почти всегда подается китовое; большинство десертных блюд изготовляется из «синтетических» продуктов; все кушанья почти не содержат жиров, и питательность их примерно равна нулю. Но питаться даже в таких ресторанах могут себе позволить очень немногие из трудящихся, ибо цены и здесь весьма «кусаются».

Можно ли после всего этого говорить еще об удовлетворении каких-либо культурных потребностей, если для того, чтобы пойти с женой раз в неделю в кино, рабочий должен израсходовать на билет четверть своего недельного заработка.

В результате тяжелого экономического положения масс в Англии сильно распространено бродяжничество.

(Из газет).

Первый бродяга второму: — Когда, наконец, увеличат размер английских газет? А то — спать холодно...

(Из газеты «Рейнольдс ньюз»).

Клод МОРГАН

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Сговор предателей

За последние месяцы во Франции выползли на свет божий почти все бывшие коллаборационисты, причем выползли без всякого стеснения. Это — знамение времени. Активно сотрудничавший с немецкими оккупантами Анри де Монтерлан написал пьесу «Господин из Сантьяго», призывающую французов отречься от традиций Сопротивления. Саша Гитри, осужденный как изменник, растерял в тюрьме скудные остатки былого остроумия. Его пьеса «Талейран» провалилась с таким же треском, как и пьеса Франсуа Мориака «Следы Лукавого».

Имя Мориака не случайно упомянуто мною наряду с именами Монтерлана и Саша Гитри. Он сам напросился на это.

Новоявленный защитник коллаборационистов, Франсуа Мориак организовал совместно с ренегатом Жаном Полан литературный журнал «Табль Ронд». Без зазрения совести лидеры этого журнальчика пытаются доказать, что между писателями—участниками Сопротивления и от'явленными предателями типа Монтерлана нет никакого различия. Вот почему Мориак и был единогласно исключен из Национального комитета писателей Франции. Он нарушил обязательство, взятое на себя членами этой организации: отказаться от всякого общения с литераторами, сотрудничавшими с врагом.

То, что происходит в области литературы, лишь отражает общее положение в стране, где к власти пришло правительство Мари—Блюма—Рейно, состоящее из людей, несущих ответственность за разгром Франции и ее оккупацию Гитлером и чьи имена вызывают гнев и возмущение всех честных патриотов.

Пьер-Этьен Фланден, человек, пославший после Мюнхена поздравительную телеграмму Гитлеру, протестовавший в 1939 году против проведения мобилизации во Франции, министр в вишийском правительстве, тоже выполз на свет при обстоятельствах, о которых стоит упомянуть. На одном из банкетов он произнес речь, в которой не только требовал амнистии для бывших коллаборационистов, но и прославлял их роль. Он сидел между Полем Фором — социалистом-мюнхенцем и коллаборационистом и Полем Жаккоби — правой рукой генерала де Голля. Деголлевцы, как мы видим, тесно сотрудничают с от'явленными вишийцами.

Правящий класс Франции стремится сейчас всеми доступными ему средствами помешать под'ему народных масс. По его мнению, лучший способ для достижения этой цели — подавить дух, воодушевлявший страну во время Сопротивления, а затем прибегнуть к обычным методам угнетения.

Сто лет назад пришедшая к власти французская буржуазия подавила революцию 1848 года, в которой рабочий класс Франции впервые выступил организованно. Революция завершилась государственным переворотом Наполеона III. Ныне у французских капиталистов нет другого выхода, кроме того, к какому они прибегли сто лет тому назад: сначала репрессии, затем призыв к современному фашизированному Бонапарту.

Они, однако, забывают, что обстановка теперь совершенно иная и соотношение сил глубоко изменилось. Французский рабочий класс теперь значительно сильнее, гораздо лучше организован. Он был движущей силой Сопротивления, инициатором национального под'ема, спасшего честь Франции. Это вынужден был в свое время признать даже Франсуа Мориак, писавший в годы войны, что «в основном только рабочий класс остался верен поруганной Франции».

И в то время как правящие круги неистовствуют, сознавая свое полное бессилие в разрешении жизненных проблем страны, и ползут на брюхе за Трумэном, подавляющая часть французских рабочих отчетливо понимает, какую роль ей предстоит вскоре сыграть; они знают, что без их участия сделать ничего нельзя.

Трепещущая от страха буржуазия собирает все свои силы, чтобы приостановить под'ем народных масс. Вот почему она обращается сейчас к могильщикам республики, коллаборационистам, изменникам. Не из чувства милосердия протягивает им руку Мориак; не от веселой жизни заигрывает с ними Полан; для них это вопрос крайней необходимости, вопрос мобилизации всех, кого только можно мобилизовать.

Сейчас во Франции защита республики возможна только при условии об'единения сил вокруг рабочего класса и компартии. Католическая группа из журнала «Эспри» поняла это: в специальном номере, посвященном новой угрозе тоталитаризма, журнал заявляет, что борьба против фашизма возможна только в союзе с коммунистами. Эта жизненная истина становится понятной все большему числу французов. Их дальнейшему прозрению немало содействует картина открытого сговора между нынешними правителями и вчерашними изменниками и коллаборационистами, которую они наблюдают повседневно.

В нынешнем юбилейном году — столетия революции 1848 года — интеллигенция уже отказывается от «эстетических» споров. Экзистенсиализм перестал быть предметом обсуждения. Каждый присоединился к своему лагерю и участвует в политической борьбе — даже те, кто, подобно предателю Полану, лицемерно заявляют, что меньше всего интересуются политикой.

Правительство могильщиков республики хотело бы вычеркнуть из памяти народа события 1848 года. Его поведение в этом смысле — наивное и свидетельствует лишь о страхе. Можно себе представить, каким паническим ужасом прониклись бы эти петрушки, если бы лишились поддержки из-за океана, которая только и спасает их от полной потери престижа.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

СКОРОСТНЫЕ СВАДЬБЫ

В Токио организован своеобразный трест, занимающийся поставкой невест и организацией браков. Любой «клиент» имеет возможность притти в один из принадлежащих тресту универсальных магазинов в Токио, где по его требованию ему предложат «в натуре» несколько невест на выбор. На процедуру осмотра «подруги жизни» и «бракосочетание» администрация универмага отводит в среднем два часа. После того, как выбор сделан, жених и невеста направляются в расположенный рядом буддийский храм, работающий круглые сутки.

Вся операция обходится лишь в 6.000 иен, включая прическу невесты, бритье жениха и плату за выдачу обоим свадебных нарядов напрокат.

ЗАЯЧЬИ УМЫ

Директор одного из нью-йоркских музеев д-р Джон Саундерс заявил недавно, что, по официальным статистическим данным, на всевозможных гадалок и «ясновидящих» американцы тратят ежегодно более 125 миллионов долларов. Еще больше денег уходит на приобретение различных сонников, гороскопов, амулетов и пр.

По утверждению Саундерса, более десяти миллионов американок носят в своих сумочках заячьи лапки, которые якобы «приносят счастье».

Е. ГАЛЬПЕРИНА

Во власти страха

В 1944 году в США вышел сборник рассказов молодых американских писателей «Поперечное сечение» («Cross Section»). За ним в 1945, 1947 и 1948 годах последовали еще три книги под тем же названием. Редактор сборников, писатель Эдвин Сивер, в одном из предисловий, написанном как программная статья, резко выступил против вдохновителей литературной реакции в США от Херста до Ван Вик Брукса, которые под демагогическим лозунгом «оздоровления искусства» ведут бешеную атаку против реалистических тенденций в американской литературе. Попутно Сивер пытался отгородить молодежь, участвующую в «Cross Section», от писателей поколения, сложившегося между двух войн. Эти авторы, по его мнению, безнадежно устарели и «играют в новую игру старыми картами».

Из слов Сивера можно было предположить, что молодые участники сборников продолжают лучшие традиции американской литературы.

Однако на деле молодая американская проза производит глубоко двойственное впечатление. Да, она разоблачает. Америка, возникающая перед читателем сборников Сивера, действительно не имеет ничего общего с пресловутым «раем для всех», который рекламируют реакционеры Де Вото или Адамс. Америка в изображении авторов «Поперечного сечения» — страна тоски, отчаяния, страха и для негров и для белых. Это дряхлый, безрадостный мир, без будущего, без перспектив, без открытого горизонта. Отчуждение от империалистической Америки, резкая издевка над «прелестями американской демократии» — в этом сила молодых писателей.

Но в то же время отсутствие ясности взгляда, всеоб'емлющее чувство безысходности и неверия в силы народа кладут тяжелый отпечаток на произведения молодых писателей.

Айра Уолферт, автор известного у нас романа «Банда Теккера», выступает с новеллой «Моя жена, ведьма», полной такого отвращения к жизни и такой «воли к смерти», которой мог бы позавидовать сам Шопенгауэр. Герой новеллы, овдовев, утратил всякий вкус к жизни. В 38 лет он стар, стар, как общество, в котором живет. «Все действия, интересы, чувства раздавлены грубой, потной, звериной силой войны». Он душевно болен и одержим страхом перед бесплодной сущностью жизни. У него нет ни работы, ни друзей, он абсолютно одинок, он — мертв. Попытки вернуться к жизни не удаются. Он ощущает бесконечное отвращение к тому, «что этот мир из него сделал, и к тому, что изменившийся мир из него сделает». Вот почему он неудержимо стремится к смерти, и выстрел лишь довершает затянувшийся процесс умирания. Психология страха, философия обреченности, вера в силу рока, которые в «Банде Теккера» сочетаются с резкими, сильными разоблачениями империалистических гангстеров, — здесь выступают в обнаженной, самодовлеющей форме.

Желание умереть, тема самоубийства проходит во всех сборниках; обычно это самоубийство из-за невыносимого, бесцельного существования. Во многих новеллах мы встречаем мысль о том, что когда-то была настоящая жизнь, а сейчас ее нет, кругом бродят только живые мертвецы.

В новелле Хильды Абель, иронически озаглавленной «Сказки венского леса» (сборник 1947 года), возникает призрачный мир — улицы Вены в бредовом кошмаре, парад теней, мир убийств, ужасов. Здесь, как и во многих современных произведениях на Западе, возрождается истерическая манера экспрессионизма, его речь, сведенная судорогой страха. У Абель мы встречаем и типичное для нынешнего декаданса настойчивое отождествление палача и жертвы: «Я подданный и властитель, палач и жертва. Нет самоубийства, которое не было бы убийством, и убийства, которое не было бы самоубийством». Таким образом, все виновны и, следовательно, никто не виновен. Новелла свидетельствует о явном страхе автора перед ужасами фашизма, но в итоге он ничего не разоблачает, а лишь показывает нам «в зеркале свое лицо, искаженное от страха».

В том же сборнике 1947 года опубликована новелла Мэридель Лесюер о шайке гангстеров. Рассказ ведется от лица девушки, любовницы одного из бандитов. Снова нас вводят в мир пустоты, в мир преступлений и страданий, на которые обречен человек. Девушка вынуждена принять участие в ограблении банка, дело кончается провалом, и она мчится на машине, увозя своего смертельно раненого любовника, оставляет его мертвого где-то на дороге и мчится дальше через ночь в никуда... Автор старается как можно выразительнее передать чувство одиночества, ощущение, что человек—лишь безвольная соломинка, влекомая роком к преступлению и гибели.

Молодые писатели проклинают американский мир преступлений и отчаяния. Однако, в сущности, они не столько раскрывают его социальный облик, сколько показывают свое собственное лицо, искаженное тоской. Конечно, мы, читая их новеллы, делаем вывод, что общество, порождающее такой страх и тоску, страшно. Но почти как правило молодые писатели торопливо переходят от реалистического разоблачения к декадентскому «космическому плану», к утверждению безысходности вообще.

Норман Мэйлор, автор новеллы «Счет небесам»,—двадцатилетний юноша, только что окончивший Гарвардский университет. Этот молодой автор делает своим героем художника, человека поколения и манеры мышления Хемингуэя. В 20-х годах герой Мэйлора ненавидел Америку, «мачеху», думая, что, только разоблачая «их мораль, их демократию», можно утвердить себя. Он живет ненавистью к Америке — «мы все сгнили, в Америке нет ни малейшего достоинства». В 1941 году он вступает в вооруженные силы капитаном Тихоокеанского флота, и автор, не раз цитируя ренегата и мракобеса Мальро, об'ясняет, что, независимо от содержания войны, она нужна ему только как «действие», как победа мужества над смертью. Погибая, «он хотел бы думать, что умирает за Америку, но это не выходило... Даже сейчас он ненавидел слово Америка. Америка обманула его, научив всем ложным словам и ничего не предложив взамен...»

Мэйлор вместе со своим героем ненавидит лживый американский национализм. Однако эта ненависть соединена с полным духовным опустошением; герой Мэйлора и не пытается искать об'яснений, почему в современной Америке честному и мыслящему человеку уготована тяжелая судьба, и не ощущает потребности бороться за изменение враждебного ему мира. Таким образом, ненависть к буржуазной Америке, которая могла бы стать плодотворной почвой для творчества молодого писателя, превращается в интеллигентское позерство, в бесплодный нигилизм.

Много места занимает в сборнике негритянская тема. Во время войны негры, бывшие в армии, поверили, что они стали для США полноправными людьми. Напрасная иллюзия! Им дали право умирать за Америку, но не жить в ней. В рассказах «Летающий дом» Ральфа Элисона, «Среди мрака и крушения» Энн Петри и особенно «Скин» Джорджа Стартевента со всей остротой ставится вопрос о положении негров в армии и в тылу. Американец Мэрфи находился в госпитале вместе с негром — рядом лежали, играли в карты, разговаривали на равных правах. Случайно встретив его после войны, Мэрфи решает «вернуть негра в его черную кожу». Такова формула, выражающая процесс, который происходит в США после войны. Фашистская банда хватает негра, увозит на болото и швыряет в грязь. Когда он падает, окровавленный, его добивают камнем.

Негр чувствует себя обреченным в США, потому что он не «белый». Одни пытаются бороться против такого положения вещей. Другие принимают его как «роковой закон». Последняя интонация упорно звучит в ряде новелл. В рассказе Дж. Кокса «Тоска по веревке», например, негр выступает, как человек с совершенно изуродованной, патологической психикой, с больным сознанием. Он убивает жену и ребенка, обезумев от страха бежит, обезумев от страха, отдается в руки шерифа. «Всю жизнь у меня была тоска по веревке». Жизнь негра — это такое мучительное ожидание конца, что сам он истерически тянется к смерти. В рассказах о неграх преобладает все та же декадентская тема — маленький человек, одержимый отчаянием. Конечно, образы, нарисованные молодыми писателями, дают почувствовать бесчеловечность условий существования негров в США. Но, об'являя «патологическую психику характерным свойством негров», они не защищают негров, но об'ективно выступают против них. Более того, весь конфликт теряет свой социальный характер и предстает как извечное трагическое противоречие между «белым и черным».

Наиболее ярко эта ущербная, порочная точка зрения проявилась в рассказе Р. Райта «Человек из подземелья» (1944 г.). Автор пытается дать символический образ негритянской судьбы. Негр, который в пароксизме страха спасается в подземный мир канализационных и водопроводных труб под Нью-Йорком, — существо предельно патологическое. Он обезумел, скитаясь во тьме среди грязи, нечистот, поступки его бессмысленны. В восприятии Райта (и в этом замысел новеллы) мир как бы делится на два этажа — светлый, солнечный мир белых, где-то наверху, и страшный, мрачный мир негров, подземный мир, откуда выход только в смерть. Здесь особенно резко выступает «воля к смерти», несопротивляемость человека, истерзанного непрерывным страхом, уставшего спасаться. Новелла Райта предельно упадочна. И прежде всего заслуживает осуждения ее политическая направленность, ибо она утверждает ненависть к «белым вообще» и вместе с тем проповедует непротивление зверствам.

Таким образом, сборники Сивера и в расовом вопросе то и дело сбиваются на декадентское изображение патологии страха.

Уродливый, хищный мир капиталистической Америки рождает естественный протест всех честных, свободомыслящих людей. Но, как мы видим на примере писательской молодежи, участвующей в сборниках Сивера, этот протест слишком часто выливается в болезненные и бесплодные формы. Дело не только в литературных влияниях декаданса. Дело в пороках мировоззрения, в том, что люди живут в постоянном страхе перед прошлым, настоящим и будущим. Дело в болезненном преувеличении сил мрака, в той недооценке способности человека к сопротивлению злу, которая составляет основную черту декадентского мироощущения. Известные слова товарища А. А. Жданова о том, что «главная опасность для рабочего класса сейчас заключается в недооценке своих сил и в переоценке сил противника», — формулируют одно из основных препятствий и для развития прогрессивной литературы на Западе.

Наиболее последовательные и смелые люди в американской литературе, подобные Говарду Фасту, ищут сближения с живыми силами народа в настоящем, с его боевыми традициями в прошлом и создают литературу, зовущую к сопротивлению оголтелой реакции.

В произведениях некоторых молодых писателей из «Поперечного сечения» пробиваются ростки настоящего, действенного отношения к жизни. Пока они густо опутаны декадентством. Вырастут ли из них настоящие борцы, — покажет будущее.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02635.